

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

№ 23

ДЕКАБРЬ

1926 г.

Содержаніе:

	Стр.
Дикіе звѣри въ кинематографѣ. Очерки І. Дельмонта	129
Приключенія маленькаго вора. Разсказъ С. Аничковой	135
Тайна «Манахики». Разсказъ Винцента .	143
И. С. Тургеневъ. Біографическій очеркъ В Русакова	147
Юный филателистъ: II выставка марокъ риж- скаго союза филателистовъ. Польша. Бол- гарія. Германія. Греція. Аргентина. 200 писемъ съ Сѣвернаго полюса. Отдѣлъ обмѣна	150
Бой-скаутъ: Разсказъ Акелы. Изъ бесѣды у костра. В. Приселкова	151
Жизнь школь: Гимназія Л. И. Тайловой въ Ригѣ	154
Изъ книги природы: Исполинскій крабъ. При- рученный хищникъ	155
Обо всемъ понемногу: Изъ жизни великихъ людей. Снимки растений. Сложный языкъ. Попробуй ходить прямо. Король ковбоевъ. Лопарка съ младенцемъ и др.	156
Юморъ: Война въ джунгляхъ	159
Конкурсъ задачъ	160
Объявленія	

Приложеніе: Сѣрый домикъ, романъ
Л. Кормчаго, листъ 11-ый.

Очерки И. Дельмонта.

Капитанъ Джекъ, умный шимпанзе.

Можетъ быть, нѣкоторые наши читатели видѣли фильмъ «Король манежа».

Джекъ, пятилѣтній шимпанзе, дѣлалъ въ этомъ фильмѣ свои первые шаги кино-артиста. Если я скажу, что Джекъ былъ самымъ умнымъ и чудеснымъ животнымъ, какое когда-либо было у меня, то это не будетъ преувеличеніемъ. Джекъ былъ юнымъ сорванцомъ, какъ всѣ негодные мальчишки въ этомъ возрастѣ. Кулаки и хлыстъ ему были нипочемъ.

Когда я въ первый разъ увидѣлъ Джека, я тотчасъ оцѣнилъ быструю восприимчивость этой человѣкообразной обезьяны. Онъ учился всему шутя. Стоило ему показать какую-нибудь штуку, и онъ уже старался повторить ее.

Джекъ обладалъ сказочной сообразительностью. Онъ размышлялъ обо всемъ и приходилъ въ бѣшенство, если не могъ сразу понять какой-нибудь вещи. Онъ жилъ со своимъ сторожемъ Шредеромъ въ уютно обставленной комнатѣ и спалъ на одной постели со своимъ дядькой. Джекъ никогда не забывалъ хорошихъ манеръ, и не было случая, чтобы онъ напачкалъ въ комнатѣ. Онъ и за столомъ сидѣлъ, какъ человѣкъ, дѣйствуя ножомъ и вилкой лучше иныхъ людей. Его завтракъ состоялъ изъ молочнаго блюда, въ придачу къ которому онъ получалъ еще овощи, кофе и одинъ или два бутерброда. Послѣ завтрака Джекъ доставалъ

изъ-подъ кровати резиновый тазъ и принималъ утреннюю ванну, при этомъ вся комната бывала забрызгана мыльной пѣной. Послѣ купанья Джекъ начиналъ свои шуточки. Больше всего онъ забавлялся тѣмъ, что колотилъ посѣтителей, а рука у Джека была весьма тяжелая. Джекъ часто снималъ съ гостей обувь, самъ залѣзалъ въ ихъ башмаки, затѣмъ надѣвалъ шляпу и носился по комнатѣ. Но онъ умѣлъ также снова надѣвать гостямъ башмаки и зашнуровывать ихъ.

Замки дверей или шкафовъ сильно возбуждали фантазію Джека. Часами онъ могъ заниматься тѣмъ, что пробовалъ всевозможные ключи къ одному замку. О недюжинномъ умѣ Джека говоритъ слѣдующій случай.

Въ дорогѣ для Джека предназначалась помѣстительная клѣтка съ висячимъ замкомъ. Однажды я принесъ другой замок и связку въ 18 ключей. Ключи мало отличались другъ отъ друга по величинѣ и формѣ. Джекъ получилъ связку ключей и началъ ихъ пробовать. Черезъ полчаса онъ нашелъ подходящій ключъ и отперъ замокъ. Незамѣтно для Джека я снялъ этотъ ключъ со связки и потребовалъ отъ него, чтобы онъ еще разъ отперъ замокъ. Онъ не провозился и пяти минутъ, какъ отбросилъ отъ себя ключи и, надувъ губы, началъ браниться. Продолжая игру, я уронилъ ключъ изъ кармана, Джекъ

тотчасъ поднялъ его, побѣждалъ съ нимъ къ клѣткѣ и, урча и болтая отъ радости, отперъ ее.

Комодъ съ тремя ящиками заставилъ Джека поломать голову. Въ верхнемъ ящикѣ хранились съѣстные припасы, предназначенные для него. Такъ какъ Джекъ отпиралъ всѣ замки, то мы удалили шишечку, при помощи которой выдвигался ящикъ. Нашъ другъ, цѣлыми днями лакомившійся лукомъ, яблоками, бананами, орѣхами и другими вкусными вещами, былъ теперь безутѣшенъ. Наша хитрость положила конецъ его пирамъ. Часами сидѣлъ Джекъ передъ комодомъ, все думалъ и старался открыть ящикъ, гдѣ находились припасы. Тщетно перепробовавъ онъ всевозможныя уловки. Вдругъ онъ испустилъ радостный вой, вытащилъ совѣмъ второй ящикъ, засунулъ въ комодъ свою длинную руку, захватилъ заднюю стѣнку верхняго ящика и выдвинулъ его. Онъ былъ такъ обрадованъ удачей своего приѣма, что совершенно забылъ достать лакомства изъ открытой сокровищницы.

Въ кинематографъ Джекъ выказалъ себя лучшимъ ученикомъ, чѣмъ двуногіе артисты. Прежде всего, нужно было приучить шимпанзе къ сотрудникамъ, къ зрителямъ и, главнымъ образомъ, къ яркому освѣщенію. Въ первый разъ, когда были зажжены всѣ лампы, съ Джекомъ произошло нѣчто, что случается съ инымъ героемъ на войнѣ подъ первымъ обстрѣломъ: понадобилось переодѣваніе.

Вскорѣ Джекъ понялъ, чего отъ него хотятъ. На репетиціи онъ былъ гораздо усерднѣе, чѣмъ артисты. Однихъ исполнителей онъ полюбилъ всѣмъ сердцемъ, другихъ же терпѣть не могъ. Послѣднимъ онъ наносилъ при каждомъ удобномъ случаѣ изрядные толчки въ бокъ. Одинъ изъ артистовъ былъ особенно несимпатиченъ нашему Джеку. И какъ разъ это лицо должно было въ одной сценѣ входить въ ворота, гдѣ Джекъ сидѣлъ, спрятавшись въ нишѣ. Джекъ долженъ былъ помѣшать ему войти въ домъ. Умная обезьяна не могла упустить

случая сыграть штуку со своимъ врагомъ. Когда артистъ, оказался въ предѣлахъ досягаемости. Джекъ, не дожидаясь сигнала, запустилъ несчастному руку въ волосы и принялся быстро тузить его по головѣ; затѣмъ далъ ему такой пинокъ въ грудь, что артистъ, растерявшись отъ неожиданности, отлетѣлъ на пять или шесть шаговъ. Это произошло такъ быстро, что невозможно было помѣшать Джеку. Было ясно, что Джекъ съ увлеченіемъ и радостью сыгралъ свою роль.

Разскажу еще одинъ случай. Я показалъ Джеку фотографіи, изготовленные для рекламы одного фильма. Онъ внимательно разглядывалъ картинки и, когда въ его руки попадался снимокъ, гдѣ онъ видѣлъ свое изображеніе, онъ округлялъ ротъ, издавалъ радостныя восклицанія и всѣмъ указывалъ на свой портретъ. Я нарочно принесъ однажды фотографіи, на которыхъ были сняты другія обезьяны, а не онъ. Джекъ быстро посмотрѣлъ на карточку и разорвалъ ее.

Къ сожалѣнію, Джекъ умеръ черезъ полгода послѣ того, какъ попалъ въ руки новаго хозяина. Тотъ отправился съ Джекомъ въ декабрь мѣсяцъ въ холодный, сырой Гамбургъ. Три дня спустя Джекъ получилъ воспаленіе легкихъ, отъ котораго умеръ черезъ нѣсколько дней.

Мой Джекъ, никогда, никогда я не забуду тебя! Ты былъ славный малый, ты часто скрашивалъ мои трудные рабочіе дни, заставилъ меня пережить много веселыхъ часовъ. Я вѣчно буду вспоминать, какъ ты послѣ каждой сѣмки бѣжалъ ко мнѣ, протягивая губы, и карабкался на меня, чтобы получить въ награду настоящій поцѣлуй.

Эти строки пусть будутъ твоимъ памятникомъ.

Обезьянка Мики.

Мики былъ маленькой обезьянкой и увидѣлъ свѣтъ на пароходѣ во время переѣзда черезъ Красное

море. При рожденіи Мики не вѣсилъ одного съ четвертью фунта, а двухъ мѣсяцевъ отроду Мики со своей мамой уже снимался для кинематографа. Одинъ режиссеръ увидѣлъ Мики въ окно, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ нахлобучилъ своей мамѣ на голову полную плошку молока. Режиссеръ нашелъ это крайне забавнымъ и «ангажировалъ» мать и сына для съемокъ въ кинематографѣ.

Я приобрѣлъ Мики, когда ему былъ одинъ годъ. Онъ былъ всего-навсего 35 сантиметровъ ростомъ и имѣлъ весьма смышленную мордочку. Къ сожалѣнію, дѣлать съ него съемки на близкомъ разстояніи было почти невозможно. Мики при всякомъ приближеніи фотографическаго аппарата обязательно поворачивался къ нему задомъ и никакъ не могъ вести себя прилично. Мики игралъ, между прочимъ, въ Нью-Йоркѣ въ фильмѣ «Карузо и обезьяны» роль обезьяны въ клѣткѣ. Говорятъ, что знаменитый итальянскій теноръ Карузо, при посѣщеніи нью-йоркскаго зоологическаго сада, выбранилъ въ помѣщеніи обезьянъ какую-то даму. Тотчасъ же нашелся судья, который наказалъ Карузо. Это событіе мы и должны были изобразить въ нашей кинематографической комедіи. Мики, значитъ, исполнялъ роль обезьяны. Артистъ, игравшій роль Карузо, незадолго до съемки рѣшилъ познакомиться съ Мики и просунулъ палецъ между прутьями клѣтки. Въ результатъ намъ пришлось передѣлывать всю сцену, потому что Мики здорово укусилъ Карузо. Не удовольствовавшись этимъ подвигомъ, Мики укусилъ еще одну даму и ламповщика и успокоился, наконецъ, поглотивъ изрядную порцію шлепковъ.

Кино-верблюдъ Гладіаторъ.

Почтимъ память одного великаго четвероногаго кино-артиста.

Гладіаторъ! Гладіаторъ не былъ гладіаторомъ и не имѣлъ съ нимъ ничего общаго.

Гладіаторъ былъ верблюдъ. И злая же бестія! Эти животные на

видъ кротки, какъ овечки, а на дѣлъ не таковы. Воплощенное коварство — эти корабли пустыни.

Гладіаторъ рѣдко бывалъ въ хорошемъ настроеніи. Пока онъ нахаживался въ конюшнѣ или на пастбищѣ, его коварство ничѣмъ не проявлялось, но когда нужно было работать, онъ выходилъ изъ себя. Гладіатору было уже больше двадцати лѣтъ, когда онъ попалъ въ мои руки. О кино онъ, вѣроятно, никогда не слышалъ, и небритый ковбой, съ красивой бахромой на ногахъ, который садился на него, долженъ былъ показаться ему настоящей обезьяной.

Въ одно мгновеніе ковбой лежалъ на землѣ. Кто никогда не былъ сброшенъ верблюдомъ, тотъ не долженъ выражать желанія ѣздить на немъ. Полетъ съ горба верблюда не разъ связывался съ самыми неприятными послѣдствіями.

Гусь Бирманъ (такъ звали ковбоя) долженъ былъ по кино-драмѣ поймать съ помощью лассо Гладіатора въ пустынѣ, вскочить на стоящаго верблюда и явиться спасителемъ запертыхъ въ степномъ укрѣпленіи европейцевъ, осаждаемыхъ дикими бедуинами.

Терпѣніе заправскаго ковбоя прямо удивительно: его хватало часто на 10—15 минутъ. Гусь Бирманъ былъ настоящимъ ковбоемъ. За десять лѣтъ жизни на ранчо, онъ не встрѣтилъ ни одного мустанга, котораго не могъ бы объѣздить въ кратчайшій срокъ. Шесть или семь поломанныхъ реберъ, трещина на черепѣ, искривленная рука и укороченная нога были послѣдствіями его борьбы съ дикими мустангами. Не забудьте еще сплюсченного носа, задѣтаго копытомъ буйвола.

Гладіаторъ мирно пасся на песчаной степи, когда Гусь въ первый разъ подошелъ къ нему. Гусь оглядѣлъ длинноное горбатое животное, которое онъ раньше могъ изучать только въ звѣринцѣ Барнума. Гусь тотчасъ увидѣлъ, что ловкимъ прыжкомъ вскочить на Гладіатора, какъ на лошадь, ему

не удастся. Онъ поболталъ укороченной ногой, скосилъ глаза на сплюснутый носъ и распуталъ лассо. Въ слѣдующее мгновеніе петля обвила голову Гладіатора. Началась грандіозная, удивительная скачка. Скачкой, собственно говоря, этого нельзя было назвать: одинъ Гладіаторъ неся по равни-

чалась снова. Гусъ осторожно осмотрѣлся изъ-подъ повязки на головѣ, сѣлъ на мустанга и во второй разъ накиннулъ петлю на шею Гладіатора. Любой спортсменъ могъ бы наслаждаться скачкой, которая теперь началась. Въ этомъ галопѣ Гладіаторъ старался получить призъ. Гусъ сидѣлъ крѣпко въ сѣдлѣ на

Гусъ держался на горбѣ, какъ обезьяна на спинѣ собаки.

нѣ со скоростью курьерскаго поѣзда, таща за собой Гуса въ качествѣ невольнаго пассажира.

Послѣ того, какъ мы употребили цѣлый тазъ карболки и нѣсколько бинтовъ для оказанія первой помощи пострадавшему Гусу, работа на-

мустангѣ и выкрикивалъ цѣлый лексиконъ ругательствъ. Повязка на головѣ ослабла и сползла ему на плечи. Кровь текла по лицу, но радость сверкала въ глазахъ. Всякій разъ, какъ онъ проѣзжалъ мимо группы ковбоевъ, они разряжали барабаны своихъ шестизарядныхъ

револьверовъ, чтобы Гладіаторъ пришелъ въ еще большее бѣшенство.

Петля лассо сдѣлала свое дѣло: Гладіаторъ сталъ умнѣе и, наконецъ, уступилъ.

Цѣлую недѣлю продолжалась эта миленькая игра, затѣмъ Гладіаторъ сталъ кротокъ, какъ ягненокъ.

День съемки, назначенный для сценическаго дебюта верблюда, начался при 34 градусахъ Реомюра въ тѣни. Всѣхъ разморило. Гусъ въ арабскомъ костюмѣ, индійскомъ тюрбанѣ и малайскихъ башмакахъ, истощилъ весь свой запасъ проклятій. Потъ стекалъ съ него ручьями. Тюрбанъ сидѣлъ плохо и постоянно соскальзывалъ на лобъ, закрывая глаза храбраго Гуса. Когда все было готово для съемки, Гусъ исчезъ. Онъ, правда, скоро вернулся, но заявилъ, что изъ-за жары снялъ все нижнее бѣлье и оставилъ только длинный бурнусъ, тюрбанъ и башмаки.

По данному сигналу, Гусъ подкрался къ Гладіатору, стоявшему отдѣльно отъ другихъ верблюдовъ, поймалъ его въ лассо, и тутъ началась борьба, отъ которой и мертвые проснулись бы. Гусъ ругался, а Гладіаторъ не слушался. Операторы вертѣли, и Гусъ съ проклятіемъ вскочилъ на горбъ Гладіатора. Верблюдъ брыкнулъ задними ногами, и одинъ операторъ былъ выведенъ изъ строя, такъ какъ аппаратъ полетѣлъ ему прямо въ животъ, а я получилъ ударъ штативомъ по голени. Гусъ усидѣлъ.

Теперь предстояла самая важная сцена: какъ Гусъ на Гладіаторѣ скачетъ мимо лагеря арабовъ, какъ открываютъ его хитрость, и кровожадные арабы преслѣдуютъ его на верблюдахъ.

Режиссеръ предполагаетъ, а верблюдъ предполагаетъ. На горбу Гладіатора Гусъ мчался къ палаткамъ лагеря. Одинъ нетерпѣливый статистъ слишкомъ рано выстрѣлилъ въ приближающаго Гуса. Гладіаторъ, который въ первый разъ слышалъ выстрѣлъ на такомъ близкомъ разстояніи, повернулъ кругомъ и помчался къ стаду верблю-

довъ. Всѣ люди, стоявшіе внѣ поля картины, составили цѣпь, и, когда Гладіаторъ подлетѣлъ къ ней, ковбой разомъ сдѣлалъ залпъ изъ револьверовъ. Гладіаторъ повернулъ, другіе верблюды сорвались вмѣстѣ съ нимъ; Гусъ держался на горбѣ, какъ обезьяна на спинѣ собаки. Они ворвались въ лагерь, опрокинули палатки, и арабамъ пришлось искать спасенія въ бѣгствѣ. Это, однако-же, не всѣмъ удалось. Предполагаемаго преслѣдованія арабовъ снять не удалось, такъ какъ верблюды, одичавъ отъ сумасшедшей стрѣльбы, понеслись вмѣстѣ съ Гладіаторомъ. Гусъ держался, тюрбанъ сползъ ему на глаза, конецъ его развѣвался сзади, какъ знамя.

Недалеко отъ мѣста съемки находилась лужа, которую мѣстные жители гордо окрестили «Наше озеро». Лишь съ одной стороны имѣлась чистая вода, на остальномъ пространствѣ «озеро» представляло собой черное болото.

Гладіаторъ вскочилъ въ «Наше озеро» со стороны болота, свалилъ тамъ Гуса и исчезъ на другомъ берегу со всѣмъ стадомъ верблюдовъ.

Въ теченіе цѣлой недѣли Гусъ репетировалъ съ Гладіаторомъ трудную сцену: какъ они подтѣзжаютъ къ одинокому посту № 2 и поднимаютъ тревогу, чтобы затѣмъ вмѣстѣ съ гарнизономъ совершить на коняхъ великолѣпную скачку по пустынѣ, спѣша на помощь къ осажденнымъ товарищамъ поста № 1. Гладіаторъ ничего не позабылъ. Онъ прибѣжалъ, къ сожалѣнію, въ сопровожденіи другихъ верблюдовъ, къ посту № 2. Не хватало только храбраго Гуса, который долженъ былъ принести тревожную вѣсть. Всѣ мы думали, что Гусъ раздвѣленъ въ болотѣ бѣжавшими сзади верблюдами, и бросились къ берегу.

Къ счастью, Гусъ былъ живъ. Жаль только, что его бурнусъ и башмаки остались въ «Нашемъ озерѣ», и такъ какъ Гусъ, какъ мы уже говорили, снялъ съ себя все бѣлье, то положеніе было щекотливое. Грязный иль изъ «Нашего

озера» присталъ къ лицу и волосамъ Гуса. Онъ страшно ругался и выплевывалъ при этомъ потоки ила.

Нашъ «господинъ директоръ», важный представитель фирмы, присутствовавшій при этой сценѣ, крикнулъ Гусу какое-то бранное слово. Гусъ, добродушный Гусъ, приблизился въ своемъ достойномъ жалости видѣ, выплюнулъ остатки ила и, забывъ всякое почтеніе, поспалъ его къ чорту.

Салли, маленькая медвѣдица.

Салли была маленькая полугодовалая медвѣдица. Она лишилась своихъ родителей въ Мэнскихъ горахъ, въ Соединенныхъ Штатахъ, и была привезена въ Чикаго, какъ дитя экрана. Салли съ малолѣтства была драчлива и со дня на день становилась все злѣе.

Первой ролью, которую Салли должна была исполнять въ кинематографѣ, была роль дикаго медвѣжонка, котораго добрая фея въ лѣсу посылаетъ вывести на дорогу заблудившагося ребенка. Салли была въ отвратительномъ настроеніи и никакъ не хотѣла позволить феѣ пошептать ей на ухо. Въмѣсто этого Салли все время трясла и грызла свои цѣпи, чтобы освободиться отъ нихъ. Пришлось дать медвѣжонку (Салли была очень маленькаго ро-

ста, всего пятьдесятъ сантиметровъ) время успокоиться. Когда черезъ два часа, совершенно утомленная, Салли увидѣла, что ей невозможно сорваться съ цѣпи, начали дѣлать сьемку издали. Добрая фея вышла изъ лѣсу и приблизилась къ звѣрю, чтобы наклониться надъ нимъ. Здѣсь мы немножко сплутовали. Фея остановилась на разстояніи одного метра и нагнулась. Это выглядѣло такъ, какъ будто она наклонилась надъ Салли. Салли въ ярости прыгнула на добрую фею. Зритель могъ однако подумать, что это знакъ радостнаго привѣтствія.

Теперь нужно было дать снимокъ въблизи, изображающій голову феи и медвѣдя. Это было нѣсколько труднѣе. Цѣпь Салли не должна была быть видна. Пришлось выжидать удобный моментъ.

Аппаратъ былъ наставленъ, артистка приготовилась къ прыжку, а мы выжидали.

Когда, послѣ часового буйства, Салли успокоилась и присѣла на заднія лапы, фея быстро подошла, аппаратъ завертѣлся, фея осторожно наклонила голову къ бурому черепу, и вдругъ, съ быстротой молніи, маленькій звѣрь размахнулся лапой и сорвалъ съ феи парикъ, здорово царапнувъ кожу на головѣ.

Рассказъ С. Аничковой.

(Окончаніе.)

Сперва потянулась унылая, безконечная равнина съ кочками и болотами, дальше — бѣдныя, утопающія въ грязи деревушки, съ тускло глядящими, подслѣповатыми оконцами вросшихъ въ землю избышекъ, съ грязными, оборванными дѣтьми у воротъ и, наконецъ, отстояшіе другъ отъ друга на сотни верстъ города.

Володѣ неудобно было спросить, что означаетъ эта перемѣна, но Курчавый неожиданно самъ разсѣялъ его недоумѣніе.

— Противно смотрѣть, — сказалъ онъ, — во что эти бездѣльники обратили свою страну.

— Ага, — сообразилъ Володя, — значитъ мы уже летимъ надъ республикой лѣнниковъ.

Между тѣмъ, сумерки быстро окутывали землю, и не прошло и получаса съ минуты ихъ перелета черезъ границу, какъ снова послышалась команда Курчавого:

— Открывай огни. здѣсь безопасно.

У Володи похолодѣла душа. Онъ не умѣлъ зажечь на своемъ летательномъ аппаратѣ огней, и сейчасъ мальчики узнаютъ его тайну.

Задыхаясь отъ волненія, онъ сталъ приглядываться къ ихъ движеніямъ, но въ сумеркахъ никакъ не могъ уловить, какую кнопку они повернули, открывая электричество.

А наступающій мракъ пронизалъ вдругъ такой ослѣпительный свѣтъ, будто на лбахъ его спутниковъ зажглись не прожекторы, а солнце.

— Что же, ты забылъ, гдѣ находится выключатель? — раздался справа отъ него насмѣшливый голосъ Черноглазого.

На этотъ разъ, однако, Володя не смутился. Его озарила счастливая мысль:

— Я не открываю потому, — сказалъ онъ, — что у меня заняты обѣ руки: въ одной ведро, въ другой удочка. Поверни, пожалуйста, — обратился онъ къ Курчавому, демонстративно показывая этимъ «фискалу», что не желаетъ имѣть съ нимъ никакихъ дѣлъ.

Мальчикъ исполнилъ его просьбу. Володя уже было успокоился, какъ въ этотъ моментъ едва не налетѣлъ на неожиданно вырисовавшееся передъ нимъ на чернѣмъ фонѣ эфира зданіе.

Вспыхнувшее безчисленными огнями, оно казалось висящимъ въ воздухѣ; и очарованный испуганный мальчикъ хотѣлъ уже, обогнувъ его, юркнуть въ сторону, какъ снова услышалъ голосъ Курчавого.

— На этой воздушной станціи мы сдѣлаемъ краткую остановку; здѣсь ты познакомишься съ положеніемъ дѣлъ на фронтѣ, и затѣмъ мы отлетимъ на вторую, гдѣ тебя ждетъ «Советъ Умнѣйшихъ».

— Его ждетъ «Советъ Умнѣйшихъ»?...

Только теперь, послѣ этихъ словъ, Володя впервые понялъ опасность и даже безвыходность своего положенія, но, безсильный что-нибудь измѣнить, рѣшилъ положить на судьбу.

«Я же не виноватъ, что перевоплотился, и что, понявъ это, забылъ вдругъ все, чему учился и что видѣлъ за эти двѣнадцать лѣтъ жизни въ своемъ новомъ тѣлѣ», подумалъ онъ. «Хуже то, что я не сознался имъ въ этомъ сразу, теперь они могутъ не повѣрить и принять меня за самозванца».

Эта мысль очень разстроила его, но раздумывать сейчасъ было некогда.

Чтобы видѣть, гдѣ снизиться, онъ пропустилъ своихъ спутниковъ впередъ и лихо влетѣлъ за ними на площадку, расположенную передъ зданіемъ, сложилъ крылья и сталъ на ноги.

Небольшой хрустальный павильонъ съ бапешкой и шпирцемъ на куполѣ покачивался въ воздухѣ, словно лодка на морскихъ волнахъ.

Какъ только летчики спустились, изъ дверей зданія вышелъ мальчикъ, лицо котораго также показалось Володѣ изумительно знакомымъ.

Онъ былъ одѣтъ, какъ и прибывшіе. Но на головѣ у него вмѣсто шлема виднѣлся радіопріемникъ. Вытянувшись передъ Володей, Слухачъ*) отрапортовалъ:

— Сейчасъ съ поля битвы получено радіо, и на картѣ я могу указать тебѣ мѣсто боя, Великій.

«Великій?... Ого! Чѣмъ же это я такъ прославился?» подумалъ Володя, услыхавъ, какъ его называютъ, и почувствовалъ вдругъ невольную радость.

— Вотъ вамъ и лѣнтяй. Услыхалъ бы дядя Алеша, который всегда вмѣстѣ съ палой такъ яростно нападалъ на него за лѣнность.

И странно, важность положенія окончательно преобразила мальчика: осанка его стала такой величественной, что, войдя въ комнату и увидавъ свое отраженіе въ зеркалѣ, онъ снова не узналъ себя: это былъ не Володя Ивановъ, а какой-то древній римскій полководецъ, окру-

женный свитой своихъ военачальниковъ.

Слухачъ подвелъ его къ висѣвшей на стѣнѣ (совсѣмъ какъ въ классѣ) громадной картѣ и сталъ объяснять создавшееся на фронтѣ положеніе.

Конечно, Володя, какъ и раньше, не понималъ ровно ничего, но онъ дѣлалъ глубокомысленный видъ, отходилъ отъ карты, прищуривался и, наконецъ, такъ вошелъ въ свою роль, что уже и самъ себѣ сталъ казаться великимъ полководцемъ.

Словомъ, пока все шло довольно гладко, если бы не жестокий голодъ, заставившій его напомнить своимъ спутникамъ, что они сегодня не завтракали.

— Эти лѣнтяи, — сказалъ онъ съ важностью, — умѣютъ загребать жаръ нашими руками, но я положу этому конецъ, сегодня же представивъ «Совѣту Умнѣйшихъ» выработанные мною экстренныя мѣры, а пока... передъ отлетомъ, не подкрѣпить ли намъ силы завтракомъ?

Почтительно слушавшій рѣчь Володи, Слухачъ молча поклонился и жестомъ пригласилъ всѣхъ слѣдовать за собой.

«Навѣрно, и сливки взбитыя дадутъ и бисквиты къ нимъ... Маконики въ тоже вею подать и еще халвы», мечталъ Володя, представляя, какъ вкусно должны угощать въ этой богатой республикѣ такого великаго человѣка, какимъ является онъ...

«А послѣ», закончилъ онъ свои мечтанія, любовно взглянувъ на удочку, «если удастся такъ же ловко провести «Совѣтъ Умнѣйшихъ», какъ провелъ свой штабъ, — пойду удить рыбу».

На порогѣ столовой Володя невольно остановился, пораженный великолѣпіемъ сервировки.

На большомъ овальномъ столѣ, уставленномъ серебромъ, хрусталемъ и золотомъ, виднѣлись необычайныхъ размѣровъ фрукты, въ высокихъ прозрачныхъ кувшинахъ кровью алѣли вина и сиропы, а такъ какъ воздушная постройка покачивалась, все это горѣло и пере-

*) Телеграфистъ, принимающій радіотелеграммы.

ливалось сотнями радужныхъ огней.

Но вниманіе проголодавшагося Володи привлекла не столько красота сервировки, сколько густые, сладкіе сиропы.

«Навѣрно, есть и вишневый, такой, какъ привозила тетя Маша, когда у меня была корь», подумалъ онъ и такъ заторопился сѣсть за столъ, что едва не уронилъ своихъ тарелокъ.

— Пусть подадутъ, — сказалъ онъ, теряясь отъ возможности заказать все, что пожелаетъ, — ситнаго съ изюмомъ, конфектъ шоколадныхъ пять фунтовъ, пирожныхъ три десятка, поросенка со сметаной (супу Володя не любилъ, изъ-за чего въ прежней жизни всегда выходили съ мамой неприятности) да икры, да балыка, пирожковъ съ вареньемъ, сыру...

— Но развѣ ты сѣшь все это одинъ? Мы уже завтракали и къ тому же сладкаго не любимъ, — неожиданно перебилъ его насмѣшливый голосъ Черпоглазаго.

Совсѣмъ было забывшій о неприятномъ сосѣдѣ, Володя сурово взглянулъ на него.

— Не любятъ сладкаго, — вотъ вреть! — не повѣрилъ онъ.

Но такъ какъ насмѣшливый тонъ все же испортилъ ему настроеніе, онъ вызывающе отвѣтилъ:

— Не бойся, сѣмъ все одинъ; мнѣ надо подкрѣпить силы для предстоящей работы.

Черезъ минуту на столѣ появились всѣ заказанныя яства, однако Володѣ показалось, что среди нихъ чего-то не хватаетъ.

— Ахъ, да, — сказалъ онъ, — я и забылъ совсѣмъ: пусть принесутъ взбитыя сливки съ бисквитами, маковники и халву; только смотри, чтобы непременно была одесская, она слаще петроградской.

Мальчики многозначительно переглянулись, но не возразили ничего, а Володя при видѣ такого обилія кушаній не зналъ, съ чего начать завтракъ, пододвинулъ къ себѣ блюдо и принялся за взбитыя сливки; потомъ взялся за икру, потомъ хотѣлъ отвѣдать поросенка, а

подъ руку попались маковники, онъ сѣлъ нѣсколько, и такъ до тѣхъ поръ, пока не опустѣли всѣ блюда.

Но странно, вставъ изъ-за стола, онъ, вмѣсто сытости, почувствовалъ еще болѣе томительный голодъ и со вздохомъ сожалѣнія промолвилъ изумленно глядѣвшимъ на него мальчикамъ:

— Очень вкусный завтракъ, жаль только, что такой легкій, я бы скупалъ еще что-нибудь, да пора летѣть.

Они вышли на площадку, и хотя Володѣ очень не хотѣлось пускаться въ дорогу, волей-неволей приходилось распускать крылья, вырабатывая, на всякій случай, въ умѣ не планъ сраженія, а планъ... своего бѣгства.

Куда? Онъ не зналъ еще и самъ, но понималъ, что это неизбежно.

Вновь заработали механизмы, снова послышалось монотонное жужжанье, и распушенные крылья, плавно взмахивая, повлекли летчиковъ въ даль.

Скоро сіяющая огнями станція потонула во мракѣ, и только лучи прожекторовъ озаряли ихъ воздушный путь надъ вражеской страной.

— Какъ жалки эти невѣжественныя, лѣнныя животныя, — прервалъ молчаніе Курчавый, — право, если бы не наша гуманность, радио-лучи давно обратили бы ихъ въ горсть золы. — И, указывая внизъ, онъ возмущенно добавилъ: — это называется лагеремъ культурныхъ людей!

Взглядъ Володи скользнулъ на землю, и такъ какъ они летѣли очень низко, онъ могъ хорошо разглядѣть расположенный подъ нимъ непріятельскій лагерь.

Бросая вверхъ снопы искръ, тамъ горѣли костры, виднѣлись жалкіе обозы съ провіантомъ, снарядами и такими худыми лошадьми, какихъ Володя видѣлъ только однажды на карикатурномъ изображеніи донъ Кихота съ его Россинантомъ; воины, вооруженные дубинками, сновали между обозами, оборванные, полунагіе. Неподалеку, на пригоркѣ, стояли пушки, у

которыхъ при ихъ появленіи вдругъ засуетились люди.

— Подымайся выше, насъ замѣтили! — закричалъ Курчавый.

И, дѣйствительно, не успѣли они выполнить команду, какъ послышался орудіиный залпъ.

Летчики пронесли надъ взвившимися къ небу бѣлыми облаками дыма, и скоро лагерь и освѣщающіе его костры исчезли изъ глазъ путешниковъ, а далекую землю окутать такой глубокой мракъ, какъ будто тамъ не было жизни.

— Совсѣмъ какъ тогда, ночью, когда я въ послѣдній разъ шелъ по лѣсу и попалъ въ трясину, — содрогнулся Володя.

При этомъ ужасномъ воспоминаніи, прошлое такъ живо встало передъ его глазами, будто оно вновь стало настоящимъ; и не только послѣдній день, а вся прошлая жизнь.

Ему вдругъ мучительно захотѣлось узнать, что случилось съ его родителями, со всѣми знакомыми.

— Гдѣ-то теперь Кока и Миша Воронины?... Гдѣ Сеня Темякинъ, противный учитель арифметики, или мечтавшій вмѣстѣ съ Володей о путешествіи на луну Сережа Волковъ?... Перевоплотились ли всѣ они, какъ онъ, или нѣтъ?... А дядя Алеша? А Иванъ Ивановичъ?... А... — передъ нимъ, какъ въ туманѣ, мелькнуло еще одно знакомое лицо. — лицо Ваньки, его худенькая фигурка, заплаканные черные глаза.

— Боже мой, Ванька! Ну, конечно же, это онъ. И какъ было не догадаться сразу, что этотъ летящій справа мальчикъ — перевоплотившійся Ванька.

Пораженный своей догадкой, но все еще не довѣряя себѣ, Володя украдкой взглянулъ на Черноглазого и, встрѣтившись съ его взглядомъ, окончательно убѣдился въ справедливости своего предположенія.

— Да, да, это онъ, и какъ мало измѣнился, такой же маленький, блѣдный, не то, что онъ, Володя, котораго и не узнать теперь.

Мысли такъ и завертѣлись въ головѣ Володи при этомъ открытіи.

— Онъ, конечно, не подозрѣваетъ, что рядомъ съ нимъ летитъ прежній Володя; да если бы и подозрѣвалъ, то вѣдь Ванька же такъ и не узналъ тогда, кто нашелъ его деньги... А все-таки, какъ непріятна эта встрѣча. И почему онъ такъ пристально, такъ непріязненно на него смотреть?

Настроение Володи было омрачено напоминаніемъ о совершенномъ нѣкогда проступкѣ, а тутъ еще этотъ «законъ равновѣсія»...

Вѣдь все, что рассказывалъ ему тогда Иванъ Ивановичъ о перевоплощеніи, оказалось правдой, значить и остальное?... Значить, оставшись ненаказаннымъ тогда, Володя неизбежно долженъ понести кару теперь, когда жизнь стала интересной и веселой, и когда онъ занимаетъ такое важное положеніе.

Какъ же и когда онъ будетъ наказанъ?

На одну минуту мальчика охватилъ такой страхъ, какъ будто онъ уже видѣлъ занесенный надъ своей головой мечъ «равновѣсія», но раздавшійся неожиданно крикъ Курчаваго быстро привелъ его въ себя.

— Снижайся скорѣе, на насъ летитъ отрядъ лѣнивыхъ.

Володя, все еще не научившійся выключать свѣтъ своего прожектора, не успѣлъ и опомниться, какъ его спутники, погасивъ огни, бросились внизъ, оставивъ мальчика летящимъ въ яркихъ лучахъ электричества, лицомъ къ лицу съ вооруженнымъ дубинками врагомъ.

Одинъ моментъ Володя колебался, какъ поступить, но затѣмъ, не желая попадать въ плѣнъ къ лѣнивымъ, захвативъ въ одну руку удочку и ведро, другой разорвалъ шнуръ, соединяющій аппаратъ со шлемомъ. Совершивъ это, онъ сбросилъ послѣдній съ головы и юркнулъ внизъ.

— Лови, лови его! — раздался надъ нимъ крикъ, и мальчикъ почувствовалъ, какъ чья-то дубинка пребольно ударила его пониже находящагося на спинѣ аппарата.

Однако, ныряя и кувыркаясь въ воздухѣ, оттого, что растерявшись сталъ поворачивать не тѣ рычаги, которые слѣдовало, онъ все же летѣлъ къ землѣ, и лучи непріятельскихъ прожекторовъ безпомощно скользили вокругъ, нащупывая уже ускользнувшаго врага.

Почти потерявъ отъ страха собраніе, окруженный непроницаемымъ мракомъ, Володя стремительно несся внизъ до тѣхъ поръ, пока вдругъ не наскочилъ на какой-то невидимый ему предметъ. Въ ту же минуту онъ почувствовалъ острую боль въ ногѣ, и на него упалъ лучъ зажженного Курчавымъ прожектора.

— Это ты, Великій? — удивился мальчикъ. — Отчего же ты не крикнулъ въ рупоръ обычнаго въ такихъ случаяхъ пароля? Не поранилъ ли я тебя ножнымъ кинжаломъ?

— Я получилъ отъ нихъ такой ударъ по головѣ, который сшибъ мой шлемъ и едва не лишилъ меня сознанія, — солгалъ Володя, конечно, не имѣя никакого представленія ни о пароль, ни о находящемся въ аппаратѣ рупорѣ.

— Но можешь ли ты летѣть дальше? — безпечался Курчавый.

Володя быстро сообразилъ, что ему очень выгодно прилетѣть на «Совѣтъ Умнѣйшихъ» больнымъ.

«Можно даже прикинуться, что теряю сознаніе... а тѣмъ временемъ они передадутъ командованіе арміей кому-нибудь другому. Это уже будетъ временнымъ выходомъ изъ труднаго положенія».

— Можетъ быть, — сказалъ онъ со стономъ, — какъ-нибудь долечу.

— Но зачѣмъ же тебѣ, раненому, тратить силы на полетъ, — воскликнулъ Курчавый, — когда у насъ для подобныхъ случаевъ есть приспособленія?!

И, не ожидая отвѣта, онъ перебросилъ Черноглазому какой-то шнуръ, съ висящей посреди него стальной качалкой.

— Садись, — сказалъ онъ, помогая Володѣ устроиться на покачивающемся между ними въ воздухѣ, словно колыбель, креслѣ.

Чья-то дубинка ударила его.

«Какъ удобно и пріятно такое путешествованіе», подумалъ восхищенный Володя, закрывая глаза и погружаясь въ дремоту. «Вотъ позавидовалъ бы мнѣ сейчасъ Сережа Волковъ: это вѣдь еще интереснѣе, чѣмъ путешествованіе на луну».

IV.

Вторая станція была уже не маленькимъ, уютнымъ павильономъ, изъ котораго они вылетѣли полчаса назадъ; это былъ гигантскій хрустальный дворецъ, такой необычайной архитектуры, что спустившемуся передъ нимъ Володѣ показалось, будто онъ, слушающій сказку, представляетъ въ воображеніи описываемыя въ ней чудеса.

Какія птицы качались на вѣткахъ деревьевъ! Какіе цвѣты заглядывали въ высокія хрустальныя окна дворца! Ничего подобного Володя не видѣлъ никогда даже на картинахъ, и теперь ему хотѣлось только одного — отдалить разлуку съ этой волшебной страной.

— Помогите мнѣ дойти до кровати и позовите доктора, — простоналъ онъ: — мнѣ очень больно.

Курчавый бросился исполнять приказаніе, а черезъ минуту Володю уложили на поданныя носилки и торжественно понесли по длинному ряду великолѣпныхъ комнатъ.

Хрустальные стѣны, хрустальные колоннады и потолки, сквозь просвѣты и куполы которыхъ возшедшая полная луна бросала въ комнаты свои голубые лучи...

Володю внесли въ спальню, сняли съ него аппаратъ съ крыльями, раздѣли и уложили въ виднѣвшуюся посреди комнаты, похожую на гигантскую раковину, хрустальную кровать. Сладко потянувшись подъ голубымъ пушистымъ одѣяломъ, онъ подумалъ:

«Если бы теперь еще покушать, то было бы совсѣмъ хорошо».

Но сознаться окружающимъ, что голоденъ, онъ не рѣшался:

«Опять будутъ удивляться, какъ много онъ ѣстъ, да и у больныхъ не бываетъ аппетита: мама, когда хворала, ничего не ѣла по два дня».

— Докторъ идетъ, — прервалъ его размышленія Курчавый, и Володя, сдѣлавъ страдальческое лицо, увидѣлъ входящимъ въ спальню... того самаго доктора, который всегда лѣчилъ его сестренку Олечку.

«А что, какъ онъ узнаетъ меня?»

Эта мысль очень встревожила мальчика, и, встрѣтившись глазами съ пристальнымъ, испытующимъ взглядомъ подошедшаго доктора, онъ невольно отвелъ ихъ въ сторону.

Наступило долгое, томительное молчаніе, во время котораго Володя то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, и которое, наконецъ, было прервано неожиданнымъ вопросомъ, считавшаго его пульсъ, врача:

— Ты знаешь Володю Иванова?

Володѣ показалось, что на него рушится потолокъ, но сдѣлавъ надъ собою усиліе, онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ. Кто это такой? Я не знаю его.

Докторъ ядовито улыбнулся и многозначительно пробормоталъ:

— Ну, хорошо... Если не знаешь, такъ узнаешь...

Послѣ этого онъ тщательно выслушалъ своего паціента, осмотрѣлъ его раненую ногу и злорадно сказалъ:

— Ты совершенно здоровъ, можешь встать и идти. Совѣтъ уже

въ сборѣ и съ нетерпѣніемъ ждетъ твоего доклада.

Съ этими словами онъ отошелъ къ стоявшимъ въ сторонѣ Курчавому и Черноглазому, пошептался о чемъ-то съ ними и ушелъ, оставивъ Володю въ самомъ ужасномъ на строеніи.

— Ну, вставай, — подойдя къ нему, какимъ-то зловѣщимъ тономъ сказалъ Черноглазый, — пора.

«Что пора? Что онъ хочетъ сказать этимъ? Можетъ быть, пора отвѣтить за свой поступокъ въ прежней жизни?»

Съ каждой минутой Володю все больше охватывалъ ужасъ, и когда мальчики подали ему одежду, онъ, понимая, что единственное его спасеніе теперь въ бѣгствѣ, спросилъ:

— А гдѣ же крылья? Подайте ихъ, вѣдь тотчасъ послѣ доклада мнѣ придется летѣть на позиціи.

— Они въ починкѣ. Ты, снижаясь, неумѣлымъ поворотомъ рычаговъ испортилъ аппаратъ, и они будутъ исправлены лишь къ твоему отлету, — загадочно улыбаясь, произнесъ Черноглазый.

Положеніе становилось угрожающимъ.

«Повидимому, они догадались, что я хочу бѣжать», сообразилъ Володя...

«Ну, будь, что будетъ», рѣшилъ онъ и, обратившись къ своимъ спутникамъ, сказалъ: — хорошо, идемъ.

Всѣ направились къ выходу, однако на этотъ разъ мальчики не пропустили его впередъ, а окружили такимъ тѣснымъ кольцомъ, сквозь которое не пробился бы и комаръ.

Это уже походило не на почетный штабъ главнокомандующаго, а на конвой, сопровождающій опаснаго преступника.

Миновавъ безконечную амфиладу залъ, въ которыхъ къ нимъ присоединялись все новые и новые мальчики, окружившіе Володю къ концу пути такой непроницаемой толпой, что онъ не могъ видѣть уже ни стѣнъ, ни обстановки комнатъ, — они подошли къ широкимъ, какъ ворота, золотымъ дверямъ. Стоявшая по сторонамъ ихъ стража про-

пустила въ нихъ только Володю, и онъ вступилъ въ сверкающій огнями, переполненный людьми залъ.

Онъ шелъ, не глядя на почти-тельно разступающуюся передъ нимъ, привѣтствующую его восторженными кликами толпу, а когда приблизился къ предсѣдательскому столу, поднялъ глаза и... остановился, какъ въ столбнякъ.

За длиннымъ, длиннымъ столомъ, такимъ длиннымъ, что концы его терялись вдали, сидѣли: папа, мама, дядя Алеша, тетя Маша, учитель арифметики, директоръ школы и всѣ, кто въ прежней жизни укорялъ его въ лѣнности.

При входѣ Володи, они на мгновение также замерли, но потомъ вскочили, бросились къ нему съ дикими, угрожающими криками:

— Да вѣдь это Володька, какъ онъ сюда попалъ? — кричалъ наступая на него отецъ. — Этакій лѣнтяище — и въ республикѣ прилежныхъ! Гоните его отсюда, гоните плута вонъ!

— Вонъ, вонъ! — какъ эхо заговорили всѣ остальные, и въ воздухѣ замелькали кулаки.

«Законъ равновѣсія! Вотъ когда я расплачусь за свой проступокъ», мелькаетъ въ умѣ Володи мысль, и онъ, зажавъ pokrѣпче въ пальцахъ удочку и ведерко, бѣжитъ по залитымъ свѣтомъ заламъ дворца, стѣны котораго колышутся такъ, что кружится голова.

А наступающая его толпа несется вслѣдъ, оглушая слухъ крикомъ: «вонъ самозванца, вонъ обманщика!»

Подгоняемый этими угрозами, не чувствуя даже боли въ ушибленной ногѣ, Володя все бѣжитъ и бѣжитъ.

Вотъ уже совсѣмъ близко... надъ самымъ ухомъ онъ слышитъ голосъ дяди Алеши:

— Я всегда говорилъ, что лѣнь и лживость не доведутъ тебя до добра.

Вотъ уже кто-то хватается его за руку...

«Ахъ, если бы крылья», думаетъ Володя и, распахнувъ выросшую передъ нимъ дверь, выбѣгаетъ на террасу дворца, къ которой еще

такъ недавно подлеталъ, окруженный своимъ штабомъ.

Но здѣсь бѣжать уже некуда... За площадкой, куда выходитъ терраса, — утопающій въ лунномъ сіяніи, безбрежный эфиръ.

Володя невольно вздрогнулъ.

«Ахъ, если бы крылья!»

Но крылья не вырастаютъ, а толпа шумитъ, угрожаетъ, наступаетъ.

Какъ бы ища у нея пощады, мальчикъ обернулся и встрѣтился взглядомъ съ горящими злобой глазами Ваньки.

— Отдай, отдай краденое! — закричалъ тотъ, съ такой силой рванувъ у него изъ рукъ удочку и ведерко, что Володя покачнулся, потерявъ равновѣсіе и полетѣлъ внизъ.

Падая, Володя открылъ глаза. Онъ увидѣлъ себя лежащимъ на землѣ у камня, съ котораго упалъ во снѣ.

Уже стемнѣло, лунные лучи серебрили рѣчную гладь. Гдѣ-то вдалекѣ слышалось глухое мычанье коровъ, лай собакъ и заунывная пѣсня.

Володя хотѣлъ встать, но поджатая нога, на которой онъ, очевидно, долго просидѣлъ, такъ затекла и болѣла, что трудно было разогнуть ее.

— Такъ неужели же все это было только сонъ?... Перевоплощеніе, Ванька, крылья, а главное — утрата удочки и ведерка?

— Ахъ да, гдѣ же они?

Володя оглядѣлся вокругъ, посмотрѣлъ на камень, гдѣ стояло ведерко, на мѣсто, гдѣ лежала удочка, — все исчезло безслѣдно.

— Вотъ онъ гдѣ, негодный мальчишка! — раздался въ это время суровый голосъ подходящаго къ нему отца. — Мать тамъ беспокоится, ищетъ его, а онъ здѣсь прохлаждается. Небось осетра поймалъ? что такъ задержался? — уже пошутилъ онъ.

Володя молча, не имѣя силъ сдвинуться съ мѣста, смотрѣлъ на сурово-ласковое лицо говорящаго и, вдругъ, всхлипнувъ, какъ маленький, выкрикнулъ:

— У меня украли удочку и окуней... Законъ равновѣсія... — и, громко зарыдавъ, опустился на камень.

Володя, все еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ сна, всхлипывая и довольно безсвязно разсказалъ отцу обо всемъ: и о Ванькѣ, и о кошелькѣ, и о страшномъ снѣ.

Отецъ внимательно слушалъ. Лицо его было скорбно и сурово, но ни одного упрека не кинулъ онъ Володѣ: видѣлъ муку сына и думалъ о томъ, что она достаточное наказаніе раскаявшемуся воронку. Только когда Володя кончилъ, онъ приподнялъ голову сына и посмотрѣлъ вглубь его заплаканныхъ глазъ.

— Что же теперь нужно сдѣлать? — спросилъ онъ.

— Нужно... нужно возстановить равновѣсіе... За воровство я наказанъ уже — удочку у меня тоже украли, а за то, что... Ваньку воровъ считают — не расплатился... Я пойду къ его отцу и разскажу все... все... И... и... навсегда буду со всѣмъ... со всѣмъ другимъ. Повѣрь, папочка.

Отецъ серьезно кивнулъ головой.

— Сейчасъ я тебѣ могу повѣрить. Пойдемъ домой.

Володя, бросивъ прощальный взглядъ на сверкающую въ лунномъ свѣтѣ рѣку, побрелъ за отцомъ...

Вотъ онъ гдѣ, негодный мальчишка!

КАМНИ САМОЦВѢТНЫЕ.

Своды неба — опаль,
Солнца огненный дискъ
Будто въ воду упаль,
И горитъ ярко прудъ,
Тамъ смарагдъ, изумрудъ.

Даль полей — аметистъ,
Въ сизой дымкѣ лѣсовъ
Яхонтъ — трепетный листъ,
Воздухъ свѣжъ какъ слеза,
На рѣкѣ — бирюза.

Виталій Вячеславскій.

ТАЙНА „МАНАХИКИ“.

Рассказ Д. Винцента.

I.

Недѣль шесть пролежалъ я больной въ госпиталѣ Гонолулу и вышелъ оттуда совершенно разбитымъ человѣкомъ.

Изъ госпиталя я отправился въ контору, но мнѣ сказали тамъ, что въ порту нѣтъ теперь никакой работы; шатаюсь, вышелъ я изъ конторы, но въ дверяхъ столкнулся съ Джемсомъ Кальдеромъ, съ которымъ не встрѣчался лѣтъ десять.

— Извините! — сказалъ я, не узнавъ его сначала, но онъ схватилъ меня за скрутку и не пустилъ дальше.

— Миръ не такъ великъ, Грегори, какъ кажется, — сказалъ онъ. — Жаль мнѣ тебя, дружище, ты высохъ, какъ скелетъ. Плохія доходы, а?

— Какіе ужъ тутъ доходы, — отвѣчалъ я. — Не можешь ли ты предложить мнѣ что-нибудь? Я не гонюсь за большимъ.

— Здѣсь неудобно говорить, — сказалъ Кальдеръ. — Пойдемъ лучше въ гостиницу, закусимъ, и я тебѣ кое-что расскажу.

Послѣ обѣда онъ рассказалъ мнѣ слѣдующее, когда мы сидѣли съ нимъ на верандѣ.

«Лѣтъ двадцать тому назадъ на одномъ изъ острововъ, которыхъ такъ много въ сторонѣ отъ морского пути — островомъ Спасенія зовутъ его — стояла высѣченная изъ камня фигура. Такихъ фигуръ много встрѣчается на островахъ южныхъ морей. Слава этого Айту была великая, и туземные предсказатели говорили, что если онъ пропадетъ какимъ-нибудь образомъ или его украдутъ, то и островъ, и короля, и даже самого вора постигнуть страшныя несчастья.

«Слухъ объ этомъ дошелъ до стараго Спенсера Айрена, который велъ большую торговлю на Тихомъ океанѣ. Онъ не вѣрилъ никакимъ предсказаніямъ, а такъ какъ руки у него были длинныя, то онъ и стащилъ эту штуку, думая вернуть ее королю на обратномъ пути.

«Но предсказатели, надо полагать, говорили не просто, потому что Спенсеръ и его судно «Манахики» затонули во время бури у острова Спасенія, и только

двумъ канакамъ, которые были у него на борту, удалось выбраться на берегъ, гдѣ ихъ, спустя двѣ недѣли, нашелъ какой-то торговецъ. Достоверно во всякомъ случаѣ то, что счастье острова исчезло вмѣстѣ съ Айту. Во-первыхъ, умеръ король; затѣмъ уменьшилось количество копры, за которой торговцы ѣздили изъ гавани въ гавань на старыхъ рыбацкихъ лодкахъ; словомъ, порядокъ вещей чѣмъ дальше, тѣмъ становился хуже.

«Прошло два года такихъ неудачъ, и новый король созвалъ совѣтъ, на которомъ рѣшено было выловить Айту со дна моря и водворить его на прежнемъ мѣстѣ. Добывъ необходимыя свѣдѣнія отъ канаковъ, оставшихся въ живыхъ послѣ кораблекрушенія, они тотчасъ же отправились въ путь.

«Судно оказалось въ довольно хорошемъ состояніи. «Манахики» затонулъ ровно и лежалъ килемъ внизъ на глубинѣ свыше шестидесяти футовъ. Айту находился въ каютѣ на кормѣ позади фокъ-мачты: его увидѣлъ тамъ черезъ открытыя двери водолазъ; онъ стоялъ тамъ и улыбался, довольный, повидимому, своимъ помѣщеніемъ. Когда водолазъ спустился вторично съ веревкой въ руки, чтобы обвязать ею Айту и вытащить его изъ воды, съ лодки увидѣли, какъ онъ выскочилъ вдругъ изъ каюты и тутъ же упалъ, а вслѣдъ за этимъ изъ дверей потянулись какія-то сѣрыя руки и схватили его за горло. Когда его вытащили на поверхность воды, онъ оказался мертвымъ... совсѣмъ-таки мертвымъ, но безъ слѣдовъ насилія.

«Вожда спросилъ, не желаетъ ли кто спуститься внизъ, набавляя цѣну до тѣхъ поръ, пока не найдетъ охотникъ. Его спустили на веревкѣ.

«Товарищи видѣли, какъ онъ вошелъ въ дверь каюты, но почти вслѣдъ за этимъ онъ дернулъ сигнальную веревку. Восемь сильныхъ человѣкъ съ трудомъ вытащили бѣднягу изъ каюты. И не мудрено! Его держали огромныя руки, свернувшись въ три догибела, точно куклу, сдѣланную изъ тряпокъ. Затѣмъ руки эти

вдруг сразу выпустили его, так что люди, тащившие его, едва не потеряли равновѣсія. Тѣло поднялось наверхъ съ закатившимися подъ лобъ глазами.

«Этого было достаточно для туземцев. Ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ больше оставаться на томъ мѣстѣ; они клялись, что все дно морское кипитъ кругомъ нечистью, и спустя нѣсколько минутъ шкуна съ распущенными парусами вышла изъ лагуны.

«Но такъ какъ на островахъ еще до сихъ поръ все идетъ худо, то вождь племени готовъ дать какую угодно цѣну, только бы ему вернули Айту. Въ такомъ-то положеніи находятся теперь дѣла, — продолжалъ Кальдеръ, ударивъ кулакомъ по столу, — и я начинаю недовѣрчиво относиться къ спасенію этой штуки. Я наwerbовалъ достаточное количество канаковъ, но для такого сорта игры между ними не найдется ни одного, заслуживающаго хотя бы одного доллара, и потому мнѣ нуженъ такой человѣкъ, какъ ты, чтобы подтянуть ихъ. Если ты находишь это для себя подходящимъ, можешь сегодня же отправиться туда со мной!»

Мы заключили съ Кальдеромъ условіе, и я отправился прямо на бортъ судна. «Тонгарева» оказалась красивой, сто-тонной шкуной, которая могла плыть съ однимъ носовымъ платкомъ, вмѣсто паруса. Кромѣ насъ, на ней находились еще двое бѣлыхъ и восемь канаковъ, которые тѣснились въ маленькомъ помѣщеніи на передней части судна, гдѣ находилось изображеніе Камеамеа V и грязное зеркало, передъ которымъ они могли, сколько угодно, скалить свои зубы. Одинъ изъ канаковъ былъ, даже для островитянина Южнаго моря, необыкновенно темнаго цвѣта; это былъ настоящій гигантъ лѣтъ двадцати пяти, и звали его Каманъ. Онъ былъ однимъ изъ двухъ матросовъ, пережившихъ крушеніе «Манахики». Кальдеръ нашелъ его въ Сиднеѣ и привезъ сюда затѣмъ, чтобы онъ указалъ мѣсто затонувшаго судна.

Кальдеръ былъ неутомимъ, когда брался за какое-нибудь дѣло, а потому дня черезъ три мы съ наступленіемъ ночи вышли изъ гавани и, пройдя каналы, вступили въ открытое море.

II.

Вотъ, наконецъ, подъ самымъ почти носомъ нашего судна, на разстояніи ста съ

лишнимъ футовъ, темнѣются очертанія несчастнаго «Манахики». Отъ штир-борта его остались одни только края, такъ что палубы опустились совсѣмъ низко, а два обломка его мачтъ, покрытые турпанами, подымались, подобно сваямъ моста, на одинъ ярдъ надъ поверхностью моря.

Вода здѣсь была такъ прозрачна, что, несмотря на водоросли и раковины, сплошь покрывавшія шкуну, ясно виденъ былъ нарисованный фрегатъ, когда-то бѣлый, а теперь совсѣмъ сѣрый. Позади фокъ-мачты находилась каюта, гдѣ, по словамъ Камана, стоялъ Айту. Дверь была настолько широко открыта, что, казалось, ничего не стоило войти туда и забрать съ собой старика. Наслушавшись, однако, разныхъ рассказовъ, мы невольно испытывали какой-то страхъ, заглядывая въ зеленныя глубины водъ.

— Слушай, товарищъ, — шепнулъ мнѣ Кальдеръ, безпокойно поглядывая на меня, — лучше будетъ пустить черныхъ въ ходъ... Мѣсто это точно заколдованное, и вообще тутъ чувствуется что-то неладное...

Надо было прежде всего начертить планъ погибшаго судна, прослѣдить направление теченій, но какъ это ни казалось намъ съ перваго взгляда затруднительнымъ, мы все же, въ концѣ концовъ, справились со всѣмъ этимъ. Затѣмъ мы спустили лодку, и она, держась на буксирѣ, прошла къ тому мѣсту, гдѣ находилась верхняя каюта, т. е. на разстояніе двадцати ярдовъ отъ «Тонгаревы». Все это заняло у насъ достаточно времени. Наступилъ полдень прежде, чѣмъ мы установились на мѣстѣ. Въ лодкѣ помѣщались Кальдеръ, я и семь канаковъ.

— Каманъ труситъ, это фактъ, — шепнулъ я Кальдеру, указывая на исполина-канака, который сидѣлъ на корточкахъ у самаго носа лодки; лицо его сдѣлалось сѣрымъ, и онъ нервно облизывалъ свои толстыя губы.

— Поди сюда, Каманъ! — сказалъ Кальдеръ не особенно твердымъ голосомъ. — Что съ тобой?

— Мнѣ страшно! — отвѣчалъ Каманъ. — Я не пойду въ воду.

Кальдеръ вынулъ кошелекъ, высыпалъ изъ него деньги и на глазахъ Камана отсчиталъ семьдесятъ восемь англійскихъ долларовъ и двадцать два чилійскихъ.

— Еще бы! — горячо подхватилъ Викъ: ему холодно стало при одной мысли о подобной роли. — Нѣтъ, Тилли, я-то никому не скажу о немъ... Можетъ быть, онъ скоро уберется отсюда?

— Дай Богъ. Вѣдь ему опасно оставаться на островѣ.

— Еще бы.

И немного успокоенные этой мыслью, друзья разошлись по домамъ.

Викъ опоздалъ къ обѣду, и тетки уже сидѣли за столомъ. Мальчикъ сконфуженно пробрался на свое мѣсто, обогнувъ Клару, и виновато улыбнулся Мартѣ. Противъ ожиданія съ устъ тетки Клары не сорвалось никакого замѣчанія. Она сохранила обычное суровое, исполненное величавости спокойствіе, и точно не замѣтила Вика.

Марта поспѣшила наполнить тарелку своего любимца и протянула ее, привѣтливо улыбаясь.

— Я слышала, Викъ, что тебя вызывалъ къ себѣ господинъ Магнусъ? Это по поводу Рождества, да?

Викъ не ожидалъ вопроса и вспыхнулъ до ушей. Наклонившись къ тарелкѣ, онъ молчалъ, не зная, что сказать.

Замѣшательство не укрылось даже отъ просто-душной тетки Марты. По лицу ея пробѣжала тѣнь неудовольствія: малѣйшая непрямота коробила ея душу.

— Зачѣмъ вызывалъ васъ г. Магнусъ? — повторила она.

Викъ поднялъ голову и встрѣтилъ холодный инквизиторскій взглядъ тетки Клары. Суровая особа проронила сквозь зубы:

— Зачѣмъ онъ понадобился Магнусу? Просто ему нужно было посекретничать съ другомъ...

Отъ нея ничего не могло укрыться — съ этимъ Викъ уже примирился! Онъ отвѣтилъ теткѣ Мартѣ:

— Я и не былъ у пастора, тетя.

У Марты дрогнула рука, рѣзавшая жаркое. Она посмотрѣла на Вика съ кроткой укоризной.

— Но ты сказалъ Микко...

— Это нарочно, тетя. Намъ нужно было поговорить съ Тилли, и только.

Тетя Марта улыбнулась, вполне удовлетворенная.

— Это ничего. Только и въ шутку не нужно лгать, мой мальчикъ, даже товарищамъ.

— Но намъ нужно было поговорить, а онъ мѣшалъ, мы и сказали ему, что идемъ къ господину Магнусу.

Клара не проронила ни слова. Она покончила со своей порціей жаркого, отпила нѣсколько глотковъ воды съ сиропомъ и встала изъ-за стола.

Викъ глядѣлъ ей вслѣдъ, и ему хотѣлось остановить удаляющуюся тетку и, просто шалости ради, сказать, что Бенъ Гуннъ вернулся на островъ. Что скажетъ тогда тетка Клара, какъ измѣнится ее спокойное лицо?

Но онъ подавилъ неблагоприятный порывъ. Нѣтъ, тетку Клару, можетъ быть, и не мѣшаетъ посвятить въ тайну, но только наединѣ: незачѣмъ вмѣшиваться въ это тетю Марту и нарушать ее покой именемъ убійцы, приводившимъ ее въ ужасъ.

И Викъ, разрѣшивъ такимъ образомъ вопросъ, невольно улыбнулся тетѣ Мартѣ, проворными руками которой пододвинули ему хрустальную тарелку, полную яблочнаго компота съ изюмомъ.

— Спасибо, тетя Марта, — совсѣмъ развеселился Викъ, — Ты такая хорошая, и я очень люблю тебя.

— Какой ты плуть-мальчишка, Викъ, — сказала она, —
такого я еще никогда не видала.

Старушка безъ дрожи радости не могла слышать этихъ словъ отъ Вика. Она поднялась со своего мѣста и, боязливо оглянувшись на дверь, за которой исчезла сестра, обняла и крѣпко поцѣловала мальчугана.

— Какой ты плутъ-мальчишка, Викъ, — сказала она, — такого я еще никогда не видала.

— Ну, еще бы, — отозвался шалунъ сквозь компоть во рту, — вѣдь я у тебя первый племянникъ — другихъ ты не видала совсѣмъ.

IV.

Къ вечеру разыгралась буря.

Вѣтеръ завывалъ въ пустынныхъ улицахъ, хлопалъ черепицей крышъ и отчаянно скрипѣлъ флюгерами. Иногда казалось, что воздушная гора обрушивалась на домъ: содрогались стѣны до основанія, и звенѣли жалобно стекла въ рамахъ. Въ ставни же яростно стучали вѣтки деревьевъ, точно десятки костлявыхъ рукъ назойливо требовали гостепрѣимства.

Въ такіе вечера плотнѣе обыкновеннаго закрывались ставни сѣраго домика. Эльза продѣвала въ болты желѣзные стержни и точно припечатывала ими наглухо толстыя дубовыя створки. Двери снабжались такимъ же затворомъ, и домикъ словно превращался въ крѣпость, собирающуюся выдержать продолжительную осаду.

Въ бурные осенніе вечера обитатели сѣраго домика дольше обыкновеннаго засиживались въ столовой послѣ ужина. Обѣ сестры приносили сюда рабочія корзиночки и безмолвно погружались въ работу. Марта вязала какой-то безконечный сѣрый чулокъ, а Клара вышивала маленькія салфе-

точки — выдержанные и строгія по рисунку, какъ и она сама.

Викъ устраивался въ уголокъ съ книжкой. Пиратскій романъ какъ нельзя лучше подходилъ къ обстановкѣ: голоса бури за окномъ и удары волнъ о молъ, напоминавшіе далекіе пушечные выстрѣлы, лучше всякихъ картинокъ иллюстрировали книгу и помогали слиться съ жизнью героевъ романа.

И въ этотъ вечеръ, послѣ того какъ была убрана посуда со стола, Викъ поднялся наверхъ за книгой. Въ концѣ лѣстницы онъ столкнулся съ теткой Кларой. Она шла съ рабочей корзиночкой въ одной рукѣ и со свѣчой — въ другой. Викъ посторонился, но сверхъ обыкновенія тетка не прошла мимо, а остановилась передъ нимъ. Глаза ея точно пронизали душу мальчика.

— Миѣ кажется, Викъ, ты что-то скрываешь, — проговорила она. — Ты узналъ какія-то новости въ школѣ, и твои секреты съ другомъ были не простыми секретами. Я увѣрена въ этомъ.

Она съ особымъ выраженіемъ произнесла послѣднія слова, и взоръ ея сталъ еще пытливѣе и холоднѣе. Викъ не могъ выдержать этого взгляда. Пробормотавъ что-то о книгѣ, за которой онъ долженъ пойти, мальчикъ хотѣлъ шмыгнуть мимо тетки, но въ то же мгновеніе корзиночка и свѣча оказались въ лѣвой рукѣ Клары, а правая ухватила Вика за воротъ куртки.

— Ты знаешь, что я не люблю, когда прикидываются дураками, — сухо сказала она. — А тебѣ и совсѣмъ не годится — ты черезчуръ уменъ для этого... Ты слышалъ что-нибудь объ этомъ... убійцѣ?

Гримаса боли и отвращенія пробѣжала по ея лицу.

Вика до такой степени ошеломила проникаемость тетки, что онъ почти съ суетвѣрнымъ страхомъ понятился отъ нея.

— Откуда вы знаете, тетя? — пролепеталъ онъ, совершенно не думая, что этимъ вопросомъ выдастъ тайну.

Тетка не отвѣтила. Въ этомъ вопросѣ племянника заключался для нея какой-то роковой отвѣтъ. Она выпустила воротникъ куртки Вика и ухватилась рукой за перила лѣстницы, точно вдругъ почувствовала страшную слабость.

— Онъ... на островѣ? — почти беззвучно произнесли ея губы.

— Да. Его видѣлъ Тилли, — такъ же тихо отвѣтилъ Викъ.

Клара ничего не сказала. Она повернулась и начала спускаться съ лѣстницы, наружно совершенно спокойная. Только шаги ея потеряли обычную увѣренность, и свѣча странно дрожала въ рукѣ.

Но въ столовой Викъ засталъ ее уже такой, какъ всегда. Иголка сверкала въ ея пальцахъ и стежокъ за стежкомъ клала увѣренный узоръ на холстъ. Когда Викъ вошелъ въ столовую, тетя Клара говорила, холодно чеканя слова:

— Пора бы тебѣ привыкнуть къ жизни на островѣ, Марта, и къ бурямъ въ это время года. Ты — не барышня, пріѣхавшая изъ рижскаго пансіона въ гости къ дядѣ-люцману.

— Но, милая Клара, я не виновата въ этомъ, — оправдывалась Марта. — Буря плохо дѣйствуетъ на меня. Когда я вспомню о людяхъ, находящихся на корабляхъ, мнѣ хочется дрожать всѣмъ тѣломъ.

Клара взмахнула иглой, точно пронзая мысль сестры.

— Вадорь! — коротко отрѣзала она, — этимъ ты нисколько не поможешь имъ, а потому и нечего дрожать.

Марта не возражала. Холодная ясность довольств сестры всегда уничтожала ее.

— Да, Клара, — желая замять разговоръ, сказала она, — я отпустила послѣ ужина Эльзу. У нея захворала сестра, и я позволила ей пробить дома до утра. Вѣдь не возвращаться же ей ночью въ такую ужасную погоду!

Сообщеніе это точно оживило на мигъ холодныя черты лица Клары. Она кинула быстрый взглядъ на сестру.

— Это твое дѣло, милая Марта, — снова застывая, проговорила она. — Мнѣ не понадобится Эльза.

Порывъ вѣтра съ воемъ обрушился на домикъ. Деревья заскрипѣли за окномъ, и въ ставни раздался дробный сухой стукъ вѣтвей — точно прощумѣлъ мгновенный градъ. И едва затихъ этотъ звукъ, какъ раздался новый стукъ — сильный и рѣзкій. Точно кто-то камнемъ или тяжелой металлической вещью четыре раза стукнулъ въ ставень. Марта вздрогнула всѣмъ тѣломъ и уставилась испуганнымъ взглядомъ въ окно. Клара мгновенно поблѣднѣла и, точно обезсилѣвъ вдругъ, откинулась на спинку кресла.

— Кто это? — спросила Марта. — Эльза не стучала бы въ это окно.

— Я думаю, просто черепица сорвалась, — приходя въ себя, отозвалась Клара. — Да, это сорвалась черепица и простучала, — уже обычнымъ тономъ, не допускающимъ возраженія, повторила она.

— Я схожу посмотрю! — вскочилъ съ мѣста Викъ.

Клара остановила его рѣзкимъ движеніемъ руки.

— Незачѣмъ. Если это человѣкъ, онъ постучитъ еще, и тогда можно открыть.

Но стукъ не повторился. Нѣсколько минутъ Викъ и Марта прислушивались къ звукамъ за окномъ, но кромѣ свиста вѣтра ничего не доносилось съ улицы. Напряженность, вызванная страннымъ стукомъ, разсѣялась.

— Да, вѣроятно, вѣтромъ сорвало что-нибудь, — успокоенно сказала Марта.

У Вика оставалось еще легкое сомнѣніе на этотъ счетъ. Что касается Клары, то она хранила полное равнодушіе къ окружающему, и все ея вниманіе было поглощено иголкой. Впрочемъ, она скоро встала и пожелала сестрѣ доброй ночи.

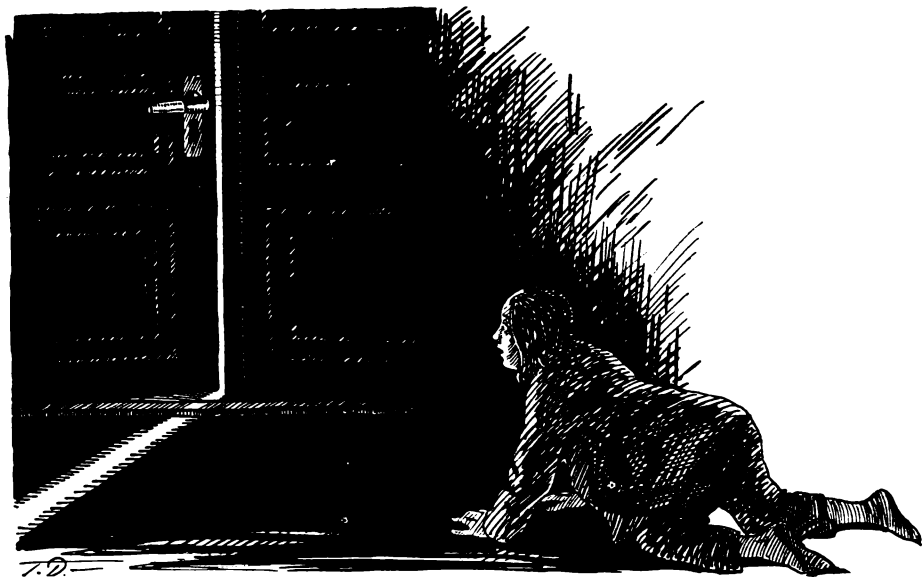
Это было немного рано для нея, но Марта привыкла къ странностямъ сестры. Она только бросила ей вслѣдъ взглядъ, полный безпокойства, и спросила:

— Тебѣ нездоровится, Клара?

— Нѣтъ, — сказала въ отвѣтъ Клара тономъ, не допускающимъ дальнѣйшихъ попеченій о ея особѣ, и ушла.

Викъ всегда чувствовалъ странное облегченіе, когда тетя Клара покидала комнату. Вмѣстѣ съ ней уходило и что-то ледяное, сковывавшее мальчика. Безъ тети Клары можно было поболтать о всякомъ вздорѣ съ тетей Мартой, пока не наступитъ время отправиться спать.

Болтовня эта носила пестрый характеръ. Въ ней фигурировали и школа, и товарищи, и учитель, и даже пасторъ. Тетя Марта такъ хорошо и такъ близко понимала все, что интересовало и волновало ея любимца, что могла сойти за добраго товарища,

Слабая золотистая полоска падала на полъ возлѣ дверей комнаты тетки Клары.

если бы не большія очки, платье и чепецъ на головѣ.

V.

Ночью Викъ проснулся.

Ему казалось, что ураганъ сорвалъ крышу и обрушилъ стѣну у кровати — такъ оглушительно былъ звукъ, разбудившій его.

Онъ даже привскочилъ и сѣлъ въ кровати. Стѣны были цѣлы. Викъ не видѣлъ ихъ въ темнотѣ, но слышалъ, какъ вѣтеръ свисталъ за ними, разбиваясь объ уголъ.

Буря нисколько не ослабѣла. Викъ сообразилъ это по реву вѣтра и хотѣлъ снова забраться подъ одеяло, но тутъ прогремѣло что-то сквозь ревъ бури короткимъ рѣзкимъ раскатомъ.

— Пушка!

Викъ содрогнулся отъ болѣзненного чувства состраданія: палилъ корабль, призывая на помощь.

Мальчикъ прислушался. Прошла томительная минута...

Потомъ снова выстрѣлъ.

Во мракѣ ночи, среди грозныхъ звуковъ бури, въ немъ былъ особый зловѣщій смыслъ: и крикъ отчаянія, и мольба о помощи, и послѣднее прощанье. Гдѣ-то въ реющемъ мрачномъ просторѣ металось судно — жалкая щепка во власти хаоса — и на ней люди.

Сонъ совершенно покинулъ Вика. Мальчикъ опустился на подушку и съ томительнымъ чувствомъ въ душѣ прислушивался къ выстрѣламъ. Они повторялись съ правильными промежутками и звучали то очень отчетливо, то глухо — въ зависимости отъ прихоти вѣтра, то бросавшаго ихъ въ горло, то глушившаго далеко въ морѣ.

Наконецъ выстрѣлы прекратились. Викъ насчиталъ ихъ шестнадцать. Долго ждать мальчикъ семнадцатаго, но его не было: торжествующій ревъ бури былъ единственнымъ звукомъ, царившимъ въ ночи. Сердце Вика сжалось отъ боли. Онъ вспомнилъ коротенькую молитву за гибнущихъ въ пучинѣ морской, которой научила его тетя Марта, и съ жаромъ прочелъ ее:

— Господи, спаси и помилуй тѣхъ, кого постигла Воля Твоя вдали отъ родины и друзей среди пучины морской, и да призоветъ ихъ Всеблагая Милость Твоя на пиръ избранныхъ въ свѣтлые чертоги Твои навѣки вѣковъ. Аминь.

Онъ не успѣлъ прошептать послѣдняго слова, какъ новый звукъ привлекъ его вниманіе: раздался скрипъ ступеней на лѣстницѣ. Шаговъ не было слышно, но легкій скрипъ повторился: кто-то осторожно поднимался наверхъ.

Почему-то Виду вспомнился странный стукъ вечеромъ въ окно, и стало жутко. Мысль о ворахъ молніей пронеслась въ мозгъ: кто-то разбилъ ставень и приготовилъ себѣ путь, чтобы ночью безъ помѣхи проникнуть въ домъ. Холодные змѣйки поползли по спинѣ у мальчика, когда онъ вспомнилъ, что внизу спитъ тетя Марта. Эльзы вѣдь не было дома, и старушка одна въ темныхъ комнатахъ безъ защитника. Мысль объ этомъ заставила Вика вскочить и съ лихорадочной торопливостью накинуть на себя одежду.

Спуститься внизъ къ тетѣ Мартѣ, не встрѣтившись съ воромъ, было невозможно. Мальчикъ понялъ это и остановился у дверей въ отчаяніи и нерѣшительности. Что дѣлать? Дать бродягѣ подняться наверхъ и выскочить, когда онъ минуетъ дверь комнаты, или бѣжать ему навстрѣчу? Последнее казалось безуміемъ. Викъ замеръ у двери,

нервно прислушиваясь къ шороху шаговъ, теперь уже ясно слышавшихся въ коридорѣ.

По шороху казалось, будто двое подвигаются вдоль коридора. Шаги одного — мягкіе, шуршащіе — были очень знакомы; шаги другого — болѣе тяжелые, мужскіе... Звукъ шаговъ смолкъ возлѣ дверей комнаты тетки Клары и... Викъ почти обмеръ отъ изумленія, услыхавъ вдругъ недовольный, сдавленный отъ нежеланія производить излишній шумъ, голосъ суровой тетки:

— Входите сюда, и чѣмъ скорѣе вы уйдете, тѣмъ лучше. Я совершаю безуміе, проводивъ васъ сюда, но это...

Дальше Викъ не слыхалъ: тетка и кто-то загадочный вошли въ комнату.

Приключеніе было такого необычайнаго свойства, что мальчугану показалось, будто все совершается во снѣ. Подражая героямъ многочисленныхъ романовъ, приводившимъ себя въ чувство щипками, Викъ ущипнулъ собственное ухо. Острая боль оказалась налицо — значитъ онъ не грезилъ. Суровая тетка Клара имѣла какія-то таинственныя дѣла! Тайна усугублялась въ глазахъ Вика тѣмъ, что совершалась подъ покровомъ ночи и урагана, метавшагося надъ островомъ.

Нестерпимое любопытство взглянуть на таинственнаго посѣтителя овладѣло мальчикомъ и оказалось сильнѣе голоса совѣсти, говорившаго, что неблагородно проникать въ чужія тайны. Викъ осторожно открылъ дверь.

Въ коридорѣ было темно. Только слабая золотистая полоска падала на полъ возлѣ комнаты тетки Клары: очевидно, ея дверь была неплотно закрыта.

Сдерживая дыханіе, Викъ подползъ къ этой полоскѣ свѣта. Въ двухъ шагахъ отъ двери онъ

услыхалъ мужской голосъ, звучащій знакомой на-смѣшливостью:

— Непусти вы меня въ домъ, меня бы замѣтили. Изъ-за этого дурацкаго судна сосѣди ваши подняли изрядный переполохъ. Сдается мнѣ, что одинъ изъ нихъ даже видѣлъ меня, да некогда ему было разглядывать — какъ угорѣлый мчался съ факеломъ къ морю.

Этотъ голосъ Викъ могъ узнать изъ тысячи: онъ принадлежалъ Бену Гунну — убійцѣ — и никому больше. Ледяныя струйки ужаса поползли по тѣлу мальчугана. Онъ подкрался все-таки къ дверямъ и заглянулъ въ щелку.

Бенъ Гуннъ, по обыкновенію нахальный и развязный, стоялъ возлѣ двери, небрежно прислонясь къ стѣнѣ. Тетка Клара въ другомъ концѣ комнаты склонилась надъ выдвинутымъ ящикомъ комода. Свѣча горѣла на комодѣ, но лица моряка и тетки Клары были въ тѣни. Викъ не могъ разобрать ихъ.

Но вотъ тетка вынула изъ комода начку кредитныхъ билетовъ и повернулась. Свѣтъ на мгновеніе упалъ на ея лицо. Ужасъ, отвращеніе и глубокая душевная боль были написаны на немъ. Никогда еще Викъ не видалъ такой тетю Клару.

Руки ея дрожали. Движенія и осанка потеряли неприступную величавость. Въмѣсто ледяной непреклонной особы мальчикъ видѣлъ пожилую женщину, подавленную горемъ, отчаяніемъ и ужасомъ. Острая жалость къ теткѣ закралась въ душу Вика. Онъ хотѣлъ было уйти, чтобы не быть свидѣтелемъ разговора, и онъ ушелъ бы, будь въ комнатѣ тетки кто-либо другой, а не Бенъ Гуннъ. Бенъ Гуннъ былъ убійцей и человѣкомъ, способнымъ на все: тетка Клара могла подвергнуться серьезной опасности, и Викъ остался, готовый во всякое мгновеніе и

скрыться, и броситься на помощь теткѣ, въ зависимости отъ обстоятельствъ.

Клара протянула пачку моряку и кинула ее ему, точно боясь даже на мгновеніе прикоснуться къ грубой темной рукѣ Бена Гунна.

— Это все, что я могу дать вамъ, — сказала она дрожащимъ голосомъ. — Когда вы, наконецъ, оставите меня въ покоѣ? Двадцать лѣтъ вы мучаете меня... Неужели у васъ не осталось ни капли совѣсти, ни крошки отъ того Джемса, какимъ я знала его 20 лѣтъ назадъ?

Тонъ этихъ словъ, полный глубокаго страданія и укоризны, могъ бы расчувствовать камень. Но крайней мѣрѣ, у Вика затуманилось все въ глазахъ отъ слезъ. Но Бенъ Гуннъ былъ человѣкомъ иного склада. Онъ пересчиталъ кредитки съ такимъ спокойствіемъ, точно слова Клары не относились къ нему, и буркнулъ недовольно:

— Этого маловато, чтобы покинуть васъ навсегда. Вы знаете, теперь я рискую головой, навѣщая васъ, и вы могли бы подороже оцѣнить это. Ну, скажите, хорошая будетъ картина, если арестуютъ на Эрбосѣ Джемса Голлиса, пирата, убійцу и прочая, и прочая... А потомъ обнаружится, что онъ болѣе, чѣмъ добрый знакомый Кларѣ Эльсто, да и сама Клара Эльсто давно перестала быть Кларой Эльсто, о чемъ знаютъ записи въ церковкѣ на островѣ Дога... Ей-Богу, это стоитъ еще горсти-другой монеты.

Клара слушала его, не скрывая отвращенія и гнѣва. Эти чувства зазвучали въ ея голосѣ, когда она заговорила:

— Вы меня разорили, Голлисъ. У меня ничего не осталось. За 20 лѣтъ я передала вамъ почти все мое состояніе. Передала, чтобы скрыть мой позоръ, чтобы имя моего Джемса Голлиса не было

Неужели у васъ не осталось ни капли совѣсти, ни крошки
отъ того Джемса, какимъ я знала его 20 лѣтъ назадъ?

бы запятнаннымъ хотя бы въ средѣ окружающихъ меня людей. Видить Господь, долгой многолѣтней мукой наказана я за тотъ шагъ, когда, повинувась влеченію сердца, соединила себя съ вами передъ Господомъ. Но тогда я знала Джемса другого... Боже, какое ужасное разочарованіе! Какое тяжелое наказаніе!

Клара закрыла лицо руками, и плечи ея дернулись, точно она боролась съ рыданіями.

— Вы немного ошиблись въ моемъ характерѣ — это вѣрно, — ухмыльнулся Бенъ Гуннъ. — Ну, да не стоитъ объ этомъ говорить. Я — человѣкъ дѣловой и говорю только о дѣлахъ.

Клара отняла руки отъ лица. Слезинки дрожали на ея глазахъ. Она пристально посмотрѣла на Бена Гунна и тяжело вздохнула.

— Боже мой! Сердце мнѣ часто говоритъ, что вы — не Джемсъ, что вы — кто-то иной... Но лицо... лицо... Лицо Джемса, хотя и обезображенное порокомъ и преступленіями... Да, глаза мои не обманываютъ, и Джемсъ Голлисъ передо мной... Скажите, зачѣмъ вы убили этого несчастнаго Кедрика? Неужели мало безъ того тяжкихъ грѣховъ на вашей душѣ?

— Вы объ этомъ глумитесь-молокососѣ? Ну, о немъ не стоитъ убиваться! Мнѣ пришлось покончить съ нимъ, потому что малый случайно пронюхалъ нашу тайну... Я не хотѣлъ, чтобы онъ болталъ о ней. Вотъ и все. Что вы еще скажете мнѣ на прощаніе?

Клара молчала. Точно окаменѣлая, она уставилась неподвижнымъ взглядомъ въ моряка. Бенъ Гуннъ тоже помолчалъ немного, потомъ отступилъ къ дверямъ.

— Мнѣ пора покидать эту гавань, — пробормо-

— Смотри, Каманъ, — сказалъ онъ, — пятьдесятъ долларовъ получишь, если съ точностью опредѣлишь, гдѣ стоитъ Айту, и сто, если обмотаешь его веревкой и вытащишь.

— А если я погибну?...

— А если, рыбы твои глаза, — сказалъ Кальдеръ, — я дамъ тебѣ еще пятьдесятъ долларовъ?

Канакъ не двигался съ мѣста.

— Хорошо же! — крикнулъ Кальдеръ. — Убирайся теперь къ чорту! Ни одной монеты больше! — и онъ спряталъ деньги.

— Стой, хозяинъ! — сказалъ канакъ. — Пусть будетъ по твоему! Я иду.

Онъ сбросилъ съ себя кусокъ холста, опоясанный кругомъ чреслъ, а вмѣсто него надѣлъ ремень съ привязаннымъ къ нему тяжелымъ ножомъ; затѣмъ на всякій случай обвязался веревкой подмышками и, схватившись за другую съ висѣвшимъ на концѣ камнемъ, нырнулъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находилась каюта, и скользнулъ затѣмъ въ сторону. Мы видѣли, какъ онъ однимъ прыжкомъ очутился у дверей каюты, подошелъ къ ней, стараясь не поскользнуться на слѣдъ водорослей и... исчезъ внутри каюты.

Веревка, тянувшаяся между нашими пальцами, остановилась. Вскорѣ, однако, мы почувствовали, что она двигается, а вслѣдъ за этимъ изъ дверей каюты выскочилъ Каманъ, отбиваясь отъ невидимаго намъ врага. Какія-то безформенныя, сѣрыя руки схватились за него, а онъ, почувствовавъ ихъ прикосновеніе, пытался подняться на поверхность воды и тутъ же скорчился въ три погибели. Мы изо всѣхъ силъ принялись тащить веревку, пока онъ не вынырнулъ наверхъ. Все время, пока мы его подымали на бортъ, среди призрачнаго водяного покрова двигались какіе-то странные образы, а кругомъ пѣнилась и вертѣлась вода; затѣмъ все стихло.

Мы уложили огромное, коричневое тѣло канака на согрѣтыя солнцемъ доски, выкачали изъ него воду, налили ему въ ротъ нѣсколько глотковъ водки и мало-по-малу привели его въ чувство; но говорить онъ не могъ. Кальдеръ и четыре канака отправились съ нимъ на бортъ шкуны, а я остался въ лодкѣ съ двумя канаками. На морѣ и затонувшемъ суднѣ все было тихо, а между тѣмъ внизу, внутри темной каюты скрывалась какая-то адская

тайна... Я закурилъ трубку и долго раздумывалъ о случившемся, пока не пришелъ къ нѣкоторому рѣшенію. Вскорѣ послѣ этого меня позвалъ къ себѣ Кальдеръ.

— Ну-съ, Грегори, — сказалъ онъ, — объясни ты мнѣ все это, если можешь. Каманъ пришелъ въ себя, но нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ едва не отпирался къ праотцамъ.

Канакъ лежалъ на койкѣ, желтый, какъ яичный желтокъ, и былъ до того ошеломленъ всѣмъ случившимся, что я употребилъ полчаса на то, чтобы вытянуть изъ него кое-что. Заглянувъ въ дверь, онъ увидѣлъ у задней стѣны Айту, который стоялъ, склонившись впередъ, но держался крѣпко, потому что былъ привязанъ къ стѣнѣ ржавой цѣпью. Въ каютѣ было совсѣмъ темно, кромѣ того мѣста, гдѣ находилась дверь; среди этой тьмы видѣлась въ глубинѣ какая-то тѣнь, но что это было такое, онъ не могъ рассмотреть. Онъ собирался уже накинуть веревку на голову Айту, когда тѣнь вдругъ ожила, и на ней загорѣлись злобные глаза... Она скользнула впередъ, замахала огромными, безобразными руками, которыя тотчасъ же схватили его за руку и... все кругомъ него поплыло и исчезло куда-то. Онъ опомнился только на днѣ лодки.

Я вернулся къ Кальдеру, который осматривалъ водолазный костюмъ.

— Неужели ты пойдешь? — спросилъ онъ.

— Хочешь подзадорить на пари? — сказалъ я. — Я рѣшилъ отдѣлаться отъ этого негодяя и научить его хорошимъ манерамъ.

— Самъ не понимаешь, что говоришь, — шепнулъ онъ. — Богъ мой! Я смотрѣлъ сейчасъ туда, гдѣ каюта, и видѣлъ, какъ изъ дверей высывались страшнѣйшія руки. Онъ у себя на квартирѣ, не заблуждайся на этотъ счетъ!

— Понимаю все прекрасно и надѣюсь на успѣхъ съ моей стороны.

Долго-таки пришлось мнѣ повозиться съ водолазнымъ костюмомъ, но въ четыре часа пополудни онъ былъ совершенно готовъ. Мнѣ помогли надѣть шлемъ, стянули ремни... Воздушные насосы зашыхтѣли, и я, схвативъ въ руки тяжелый багоръ, шагнулъ черезъ край лодки. Вода сомкнулась надъ моей го-

ловой, и я сталъ опускаться, продолжая держаться за веревку. Глубокая тишина кругомъ нарушалась только вздохомъ и шопотомъ воздушныхъ трубъ...

Спустя минуту я различилъ палубу, подымающійся кверху остовъ фокъ-мачты и за ней каюту. Цѣлая стая маленькихъ рыбокъ, точно птицы, шарахнулась во всѣ стороны при моемъ приближеніи. Глаза мои между тѣмъ свыклись съ тусклымъ свѣтомъ моря, и я, заглянувъ въ дверь, увидѣлъ семифуттовую фигуру Айту, а по правую и лѣвую сторону отъ него какія-то тѣни солидныхъ размѣровъ.

У меня была съ собой веревка съ готовымъ ходячимъ узломъ; однимъ взмахомъ набросилъ я петлю на голову Айту, спустилъ ее до середины, гдѣ было нѣчто вродѣ перехвата въ талии, и сталъ ее стягивать, упираясь ногой въ косякъ двери. Дверь была скользкая, нога моя съѣхала, и я упалъ въ каюту лицомъ внизъ. Мгновенно вскочилъ я на ноги, но тутъ все замерло во мнѣ при видѣ чудовищнаго, туманнаго образа, выплывающаго изъ темноты. Въ ту же минуту я почувствовалъ на обнаженной части руки острую боль... Зеленоватый цвѣтъ воды превратился въ огненный... Мозгъ мой пронизало точно пламенемъ...

III.

Я пришелъ въ себя на днѣ лодки; надо мною высилось голубое небо, и лучи солнца свѣтили прямо въ лицо.

— Достали его? — спросилъ я.

— Лежи спокойно, товарищъ, и не волнуйся, — сказалъ Кальдеръ блѣдный, какъ смерть. — Попробовалъ и довольно.

— Пустяки, я чувствую себя хорошо, — отвѣчалъ я. — Надо поднять наверхъ ту птучку... она всплыветъ, какъ пробка. Крыша на каютѣ не крѣпкая, можно вытащить черезъ нее... Она лежитъ теперь у самыхъ дверей.

Сначала меня не хотѣли слушать, но я настоялъ на своемъ и заставилъ добыть веревку, обмотанную вокругъ Айту, голова котораго скоро показалась изъ дверей, а затѣмъ и весь онъ вылѣзъ оттуда цѣликомъ. Изъ воды скоро вынырнуло улыбающееся лицо Айту. Минуть черезъ десять онъ былъ уже въ каютѣ на палубѣ и лежалъ на кучѣ парусины.

— Эй, ты, красавецъ! — сказалъ Кальдеръ, грозя ему кулакомъ. — Стукнуть бы тебя хорошенько по носу. Ну, Гре-

гори, теперь мы можемъ двинуться въ путь. Ты потомъ расскажешь намъ, что видѣлъ.

— Погоди немного, Кальдеръ, — сказалъ я. — Я долженъ передъ отъѣздомъ расплатиться съ нимъ.

— Еще глупость какую-нибудь затѣялъ, — сказалъ онъ. — Не довольно тебѣ развѣ? И такъ едва не пропалъ.

Но я, вмѣсто отвѣта, спустился въ лодку, захвативъ съ собою разрывную бомбу, какою пользуются обыкновенно туземцы, когда отправляются на рыбную ловлю. Я отчалилъ поспѣшно отъ шкуны, которая готовилась уже къ отплытію. Начинало темнѣть, но я хорошо замѣтилъ мѣстоположеніе затонувшаго судна и направился прямо туда, гдѣ была каюта. Здѣсь я, неспѣша, уложилъ бомбу въ мѣшокъ, вставилъ трубку съ фитилемъ, завязалъ покрѣпче и съ помощью веревки бросилъ прямо къ двери, а самъ сталъ улепетывать. Надо полагать, что или бомба была неважнаго качества, или я не разсчиталъ времени, какъ слѣдуетъ, — но не успѣлъ я еще отъѣхать, какъ подлѣ меня поднялся водяной столбъ, швырнулъ всю лодку въ сторону, свалилъ меня на дно ея въ полубезсознательномъ состояніи.

Громкіе крики привели меня въ себя, и я вскочилъ на ноги. Море кругомъ слегка волновалось, и волны его плескались о бока лодки; вся поверхность воды поблизости отъ нея была покрыта всевозможными обломками затонувшаго судна. Но не они такъ привлекали мое вниманіе, а нѣчто другое, бившееся въ предсмертныхъ судорогахъ. Это было огромное, отвратительное существо сѣраго цвѣта съ мѣшкообразнымъ тѣломъ въ три ярда длины, на одномъ концѣ котораго находился большой, вооруженный страшными зубами ротъ, а надъ нимъ цѣлая батарея сверкающихъ глазъ; а затѣмъ длинные рукообразные шупальцы. Кальдеръ только что подлѣхалъ на другой лодкѣ.

— Этакій сумасшедшій! — сказалъ онъ. — Едва не отправилъ въ рай и себя и насъ. Раненъ ты?

— Пустое, — отвѣчалъ я. — Вотъ значить въ какой штукѣ крылась вся тайна!

— Ай! — крикнулъ Каманъ. — Я знаю, что это... сонная рыба (спрутъ).

Тронетъ тебя — ты заснешь или умрешь. Убиваетъ себѣ рыбъ на обѣдъ.

— Ну, чудовище это никого больше теперь не тронетъ, — сказалъ Кальдеръ.

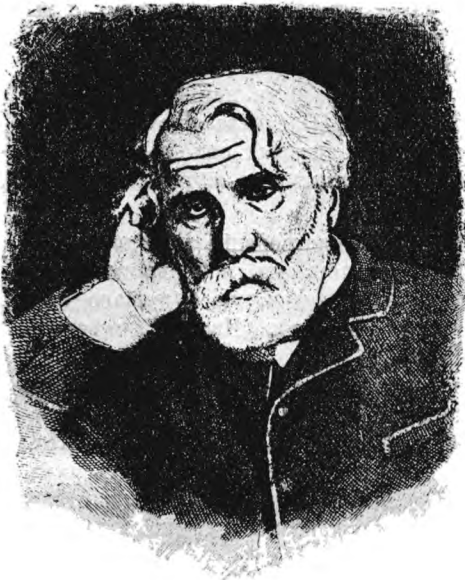
И съ этими словами онъ выпустилъ шесть зарядовъ въ голову чудовища, которое завертѣлось во всѣ стороны, забилось и замахало руками, какъ это дѣлаютъ люди, когда тонуть.

Дней черезъ пятнадцать мы были уже у острововъ Товарищества и, поднявъ флаги, вошли въ рейдъ. Посмотрѣли бы вы, что тамъ было, когда узнали, что мы привезли на борту! Всѣ говорили, что

никогда еще не слышали и не видали такого ликованія. Удивляюсь до сихъ поръ, какъ это они не перерѣзали другъ друга изъ-за того, какую цѣну дать намъ за Айту.

Хорошее дѣльце устроилъ Кальдеръ благодаря мнѣ; да и на мою долю досталось двѣ тысячи долларовъ. Когда вождь пришелъ въ себя послѣ неожиданной радости, такъ что могъ говорить, онъ разрѣшилъ намъ исключительное право торговли копррой, а всѣ другія фирмы бойкотировать.

Съ англ. З. П.

Въ сѣверной части Мценскаго уѣзда, Орловской губерніи находится село Спаско-Лутовиново, съ хорошенькой господской усадьбой, вокругъ которой тянется чудесный, громадный садъ. Ели, дубы, сосны и липы широко раскидали въ немъ свои зеленныя вѣтви. Тропинки, полузаросшія травой, идутъ и переплетаются по всѣмъ направленіямъ, вверхъ къ вершинѣ холма, гдѣ поднимается небольшой домъ съ галлереей и террасой въ садъ, увитой хмелемъ.

Здѣсь, въ этой усадьбѣ, болѣе столѣтъ назадъ жилъ драгунскій полковникъ Тургеневъ съ женой Варварой Петровной, урожденной Лутовиновой. У нихъ былъ сынъ Ваня, родившійся въ 1818 году въ г. Орлѣ.

Мальчикъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Николаемъ, выросъ въ селѣ Спаскомъ-Лутовиновѣ и здѣсь провелъ дни своего дѣтства, то гуляя по густому саду, среди вѣковыхъ деревьевъ, то бѣгая по берегамъ пруда, прилегающаго къ усадьбѣ, то совершая прогулки въ село, гдѣ знакомился съ жизнью крестьянъ, ихъ работами, невзгодами, бѣдностью, заботами...

У Вани, какъ у всѣхъ вообще дѣтей знатныхъ дворянъ-помѣщиковъ того времени, уже съ пятилѣтняго возраста были воспитатели-гувернеры, нѣмцы и французы, но мальчикъ гораздо больше любилъ приставленнаго къ нему въ качествѣ дядьки русскаго камердинера, старика Порфирія Тимофеевича. Съ нимъ онъ то игралъ въ солдатики, то забавлялся воспитаніемъ собаки, случайно забѣжавшей въ усадьбу; но чаще всего прислушивался, какъ дядька, хорошо знавшій грамоту, гдѣ-нибудь въ отдаленному уголку сада читалъ ему вслухъ какую-нибудь книгу. Старикъ-камердинеръ очень любилъ почитать, а барчонку, котораго старались какъ можно ско-

рѣе научить плавно говорить по-французски и по-нѣмѣцки, въ диковинку была русская книжка.

Когда Ванѣ было 4 года, съ нимъ чуть не случилось несчастіе. Все семейство Тургеневыхъ отправилось за границу и посѣтило, между прочимъ, Швейцарію. Въ городѣ Бернѣ вся семья отправилась осматривать имѣющуюся тамъ и до сихъ поръ яму, въ которой живутъ медвѣди. Мальчикъ чуть было не провалился туда: отецъ едва-едва успѣлъ вытащить его оттуда, во-время ухвативъ за ногу.

Мать Вани была женщина болѣзненная и строгая. Она, напр., не выносила никакого шума, и стукъ ножей или ключей въ сосѣдней комнатѣ выводилъ ее изъ себя. Всѣ должны были ходить на цыпочкахъ и трепетали передъ ней, тѣмъ болѣе, что она обращалась со всѣми домашними, а также и съ крестьянами села, очень сурово.

Ванѣ — любимцу матери — нерѣдко до слезъ становилось больно за бѣдныхъ людей, подвергавшихся жестокому обращенію со стороны Варвары Петровны, но онъ, конечно, не могъ измѣнить ея характера.

Еще болѣе возбуждали смущеніе, негодованіе и, наконецъ, отвращеніе впечатлительнаго мальчика рассказы о поступкахъ помѣщиковъ съ крѣпостными. Но онъ молчалъ и не показывалъ вида, какъ близко принимаетъ къ сердцу положеніе несчастныхъ, и лишь изрѣдка мечталъ о томъ, какъ хорошо было бы все это описать, рассказать подробно и этимъ способомъ обратить вниманіе на всю несправедливость, которая творится кругомъ...

Когда мальчику исполнилось 9 лѣтъ, родители его, въ видахъ дальнѣйшаго воспитанія дѣтей, переселились въ Москву, гдѣ купили себѣ домъ на Самотѣкѣ. Ваня былъ отданъ сначала въ частный пансіонъ Вейденгамера, а потомъ жилъ одно время пансіонеромъ же у директора Лазаревского института Краузе, который училъ его англійскому языку. Кромѣ того, къ Ванѣ были приглашены студентъ Ключниковъ, впоследствии довольно извѣстный писатель, которому поручено было подготовить Ваню въ университетъ.

Въ 1833 году, будучи всего 15 лѣтъ отроду, Ваня Тургеневъ поступилъ на словесный факультетъ московскаго университета. Но здѣсь онъ пробылъ всего одинъ годъ. Старшій его братъ Николай поступилъ на военную службу въ Петербургъ; туда же перѣехала и вся семья, такъ что и Ванѣ пришлось перейти въ петербургскій университетъ. Вскорѣ послѣ этого скончался его отецъ.

Состоя студентомъ, юный Тургеневъ началъ впервые пробовать свои силы въ качествѣ писателя и, между прочимъ, написалъ драму въ стихахъ «Стенію». Свое произведеніе онъ показалъ одному изъ профессоровъ, Плетневу. Тотъ, прочитавъ драму, сказалъ:

— Милый мой, вы тратите время на такіе пустяки, вмѣсто того, чтобы учиться... Впрочемъ, — прибавилъ, — я все же нахожу, что у васъ «что-то есть», и можетъ быть со временемъ вы и на самомъ дѣлѣ сможете написать что-нибудь хорошее... Кстати, не написали ли вы еще чего-нибудь, кромѣ вашей драмы?

Тутъ оказалось, что у Тургенева имѣется болѣе десятка написанныхъ имъ стихотвореній. Плетневъ прочелъ ихъ и, выбравъ два, которыя онъ нашелъ лучшими, помѣстилъ въ журналъ «Современникъ».

Эти два стихотворенія молодого студента были первыми, появившимися въ печати, произведеніями будущаго знаменитаго писателя, Ивана Сергѣевича Тургенева.

Но раньше, нежели стать писателемъ, Тургеневъ окончилъ курсъ петербургскаго университета, затѣмъ 19-лѣтнимъ юношей поѣхалъ «доучиваться» въ Берлинъ и только по возвращеніи сталъ писать сначала поэмы и стихи, а затѣмъ повѣсти и рассказы.

Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ старался изобразить русскую жизнь такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, изобразить дѣйствительность, изобразить бытъ русскаго мужика.

Рассказы молодого писателя обратили на себя вниманіе. Ихъ стали усердно читать. Но особенно выросли извѣстность и слава Тургенева, когда онъ написалъ свои «Записки охотника», затѣмъ романы «Отцы и дѣти», «Дымъ», «Дворянское гнѣздо» и много-много рассказовъ.

Но заслуга Тургенева не въ томъ, что онъ написалъ рядъ интересныхъ произведеній, которыми зачитываются всѣ: въ его повѣстяхъ и разсказахъ изображены живые русскіе люди, изображены и помѣщики-самодуры, и крѣпостные мужики съ чуткой душой, и ловкіе проныры, и свѣтлыя женщины, которыя терпѣливо и энергично, хотя почти незамѣтно, боролись, чтобы не дать затянуть себя окружающей лѣни и праздному барству; крестьянки съ живою душою и свѣтскія дамы съ пустою сердечной... Однимъ словомъ, Тургеневъ старался изобразить хорошія и дурныя стороны всѣхъ сословій, при чѣмъ бралъ свои изображенія прямо изъ окружающей жизни и разсказывалъ все въ изящной формѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, просто, безпристрастно.

Тургеневъ описывалъ, однако, не только людей и ихъ поступки, но и природу. И когда читаешь его описанія, такъ и кажется, будто на самомъ дѣлѣ лѣжишь гдѣ-нибудь въ травѣ, или идешь по полю, или пробираешься лѣсной тропинкой, — чувствуешь жаръ лѣтняго полдня, всматриваешься въ ночной мракъ лѣса, гдѣ позвякиваютъ въ тишинѣ колокольчики табуна, да ведутъ свои разсказы пастухи, освѣщаемые пламенемъ костра...

Тургеневъ писалъ только для взрослыхъ, но одну свою книгу онъ предназначилъ и для дѣтей, а именно «Сказки», которыя онъ перевелъ съ французскаго (сказки Перро). Кромѣ того, нѣкоторые его разсказы, хотя и написан-

ные для взрослыхъ, охотно читаются и дѣтьми.

Большую часть своей жизни Тургеневъ провелъ на чужбинѣ, за границею, преимущественно въ Парижѣ, но онъ никогда не забывалъ своего родного гнѣзда, гдѣ родился его талантъ. Сюда его тянуло заканчивать большіе романы. Сюда же, кромѣ того, онъ былъ сосланъ въ 1852 году на жительство за напечатаніе очень трогательной статьи о смерти Гоголя. Но, какъ писалъ впоследствии Тургеневъ, пребываніе въ деревнѣ принесло ему несомнѣнную пользу: оно сблизило его съ такими сторонами русскаго быта, которыя, вѣроятно, ускользнули бы отъ его вниманія... Но и послѣ этого пребываніе въ родной деревнѣ неоднократно вдохновляло Тургенева-старика, какъ вдохновляло его юношей.

Тургеневъ искренно любилъ свою родину Россію, искренно сочувствовалъ ея нуждамъ, скорбѣлъ о ея недостаткахъ и слабостяхъ и выводилъ ихъ наружу исключительно съ цѣлью показать, что надо помочь горю, надо исправить творящееся зло. И его труды не остались безъ результата. Такъ, напр., его описаніе жизни крестьянъ-крѣпостниковъ въ «Запискахъ охотника», какъ это теперь признано, много способствовало освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Тургеневъ умеръ 22 августа 1883 г., но произведенія его живы и будутъ жить долго. Ими и теперь, какъ и прежде, зачитываются всѣ, восторгаясь мощью великаго таланта.

Тройка.

II выставка марокъ Рижскаго Союза Филателистовъ.

14 ноября въ помѣщеніяхъ Скандинавскаго клуба въ Ригѣ состоялась II выставка марокъ, вызвавшая живѣйшій интересъ рижскихъ филателистовъ.

По обыкновенію выставка носила показательный характеръ, и коллекціонеры, а въ особенности специалисты по русскимъ и совѣтскимъ маркамъ, могли почерпнуть очень много интереснаго свѣдѣній. Состоявшееся въ тотъ же день жюри присудило золотую и серебряную медаль г. А. Бергу (интереснѣйшіе экспонаты Россіи, собраніе марокъ съ изображеніемъ главъ всѣхъ странъ и народовъ и полное собраніе водяныхъ знаковъ); серебряная медаль присуждена В. Мѣзиншу, изъ русскихъ марокъ котораго отмѣтимъ уника — марка въ 1 рубль, зубчатая 12½, и замѣчательный квартблокъ на письмѣ — 3-копѣечная марка съ фономъ отъ 5-копѣечной (1868/1871 года); имъ же выставлены вѣтъ конкурса неизвѣстныхъ донныѣ перепечатки, пробные отпечатки и многочисленныя поддѣлки русскихъ марокъ; 1 бронзовая медаль присуждена г. Минтцу (изображенія животныхъ на почтовыхъ маркахъ) и А. Шургину (Россія). Благодаря интересной работѣ г. Н. Минтца, мы можемъ убѣдиться, что излюбленнымъ животнымъ авторовъ почтовыхъ марокъ является лошадь (27 однихъ групповыхъ изображеній); затѣмъ слѣдуютъ: орлы, слоны, тигры, верблюды (восемь странъ), голуби, леопарды (6) и т. д.

Дипломами награждены: Б. Саломонсонъ и А. Зельмеръ.

Польша.

Недавно выпущены марки въ 10 грошей съ портретомъ уроженки Варшавы, Маріи Склодовской, которая вмѣстѣ со своимъ мужемъ, знаменитымъ французскимъ физикомъ Кюри, открыла радій.

Болгарія.

Въ Болгаріи выпущены въ этомъ году марки въ память извѣстнаго болгарскаго патріота и поэта Ботева (1876/1926). Марки крупнаго формата трехъ достоинствъ: оливковыя въ 1 лева, фіолетовыя въ 2 и малиновыя въ 4 лева. Марки были цѣликомъ распроданы въ 3 дня, хотя запасовъ могло бы хватить на 2 мѣсяца. Продажа недавно выпущенныхъ черныхъ марокъ, изображающихъ развалины софійскаго собора, какъ намъ сообщаютъ, была задержана и запасъ марокъ уничтоженъ.

Германія.

Германское почтовое вѣдомство выпустило новую серію почтовыхъ марокъ съ изображеніемъ портретовъ знаменитыхъ людей, прославившихъ нѣмецкій народъ. На маркахъ въ 3 и 25 пфен. изображенъ Гете, на 5 пфен. — Шиллеръ, на наиболѣе распространенныхъ маркахъ въ 10 пфен. изображенъ Фридрихъ Великій. Затѣмъ увѣковѣчены на маркахъ: философъ Кантъ (15 пф.), Бэтховенъ (20 пф.), Лессингъ (30 пф.), физикъ Лейбницъ (40 пф.), композиторъ Бахъ (50 пф.), Дюреръ (80 пф.).

Греція.

Въ память столѣтней годовщины побѣды надъ турками (во время второй осады Миссолонги) въ Греціи были изготовлены марки трехъ достоинствъ, но онѣ вышли настолько неудачно, что пришлось выпустить въ продажу только фіолетовыя марки въ 25 лептъ, изображающія «Побѣду, оплакивающую павшихъ воиновъ».

Аргентина.

Празднованіе столѣтія съ основанія почтоваго вѣдомства ознаменовано выпускомъ марокъ четырехъ видовъ: на зеленыхъ маркахъ въ 3 цента мы видимъ портретъ уже знакомаго филателистамъ президента Ривадавіа; знакомы

коллекціонерамъ и освободители Южной Америки генералы Санъ Мартинъ и Боливаръ, изображенные на новыхъ карминныхъ маркахъ въ 5 центавосовъ. Интересны изображенія главного почтамта въ Буэнос-Айресъ (12 цент. синій и 25 цент. коричневый) сто лѣтъ назадъ и теперь.

Дѣсти писемъ съ Сѣвернаго полюса.

19 мая сего года газеты всего міра оповѣстили, что американскій летчикъ Робертъ Бирдъ на аэропланѣ перелетѣлъ Сѣверный полюсъ. Газеты не упомянули, однако, о слѣдующемъ курьезѣ.

Когда Бирдъ вмѣстѣ съ пилотомъ Беннетомъ предпринялъ свой полетъ, онъ, несмотря на перегрузку своего аппарата, захватилъ съ собою 200 писемъ, адресованныхъ американскими филателистами на Сѣверный полюсъ. Послѣ благополучнаго возвращенія «Жозефина Фордъ» (такъ назывался аэропланъ Бирда) Америка обогатилась 200 счастливыми коллекціонерами, получившими письма, побывавшія на Сѣверномъ

полюсѣ и снабженные собственноручной надписью смѣлаго летчика.

Многіе, конечно, пожмутъ плечами, услышавъ о «письмахъ съ Сѣвернаго полюса», но именно такіе «курьезы» и цѣнятся собирателями марокъ.

Отдѣлъ обмѣна.

О. О. Пантюховъ, Нью-Йоркъ
(Oleg. O. Pantuckoff, 25 East. 99
Street. New-York City)

желаетъ мѣняться марками. Хочетъ получить русскія марки (перепечатки 1919—1920 года) въ обмѣнъ на американскія — новыя или старыя (1880) и марки другихъ странъ. Желательны обмѣны съ 1 или 2 коллекціонерами.

О. О. Пантюховъ прислалъ намъ 15 разныхъ марокъ для предпровожденія ихъ обиженнымъ двумя «коллекціонерами» нашимъ читателямъ: Волкову и Равеской.

Редакція отъ себя добавитъ нѣкоторые дубликаты и пошлетъ ихъ по назначенію.

Разсказъ Акелы.*) (Изъ бесѣды у костра).

1.

Акела завернулся въ широкое одеяло и, подбѣвъ къ костру, началъ:

— Сегодня, волчата, я вамъ разскажу одну исторію про... ну, да впрочемъ, вы сами услышите про кого.

«Былъ тихій лѣтній вечеръ. На берегу рѣки раздался глухой крикъ филина. Вслѣдъ за тѣмъ, изъ-за деревьевъ выглянула косматая приземистая фигура и, быстро подбѣжавъ къ рѣкѣ, осѣдлала наклонившійся надъ водой пенъ. То былъ лѣшій. У него была такая привычка садиться верхомъ, — иначе онъ

не умѣлъ. Немного подождавъ, онъ прыгнулъ съ обрубка и, поднявъ съ берега нѣсколько камешковъ, сталъ бросать ихъ въ воду. Послѣ четвертаго камешка у противоположнаго берега что-то зашумѣло. Въ облакѣ брызгъ черезъ всю рѣку пронесся какой-то безформенный комокъ, и передъ лѣшимъ выросла длинная фигура водяного.

— Здорово, лѣшій!

— Здорово, братъ, здорово! А я къ тебѣ съ предложеніемъ... Скажи, ты любишь людей?

— Людей-то? — возмущился водяной, и его зеленоватые глаза загорѣлись яркими огоньками, — да я ихъ ненавижу!

*) Акелой называютъ волчата своего начальника.

Представь себя, — отдыхалъ я третьяго дня въ одной изъ рѣкъ и ужъ совсѣмъ было заснулъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что какая-то невѣдомая сила поднимаетъ меня на поверхность рѣки.

Не успѣлъ я опомниться, какъ взлетѣлъ на воздухъ и, описавъ большую дугу, плелся въ воду. Потомъ только я сообразилъ, что меня подцѣпила проклятая землечерпалка. Но этимъ мои бѣдствія еще не кончились. Весь дрожа отъ негодованія, я бросился изъ рѣки въ море и принялся подымать бурю. Въ эту минуту я желалъ гибели всѣхъ кораблей міра.

Поднялись гигантскія волны, но какое было мое удивленіе и досада, когда я увидѣлъ, что пароходы, которые прежде кидало, какъ щепки, теперь все время сохраняли горизонтальное положеніе. Забывъ осторожность, я подплылъ ближе къ одному изъ нихъ, и въ это время громадный якорь обрушился на мою голову, и я потерялъ сознание.

Вслушавъ разсказъ водяного, лѣшій замѣтилъ:

— Сочувствую тебѣ, братецъ, потому что и мнѣ они причинили немало непріятностей, — и, принявъ негодующій тонъ, онъ продолжалъ:

— Гдѣ это было слыхано, чтобы лѣшіе жили въ сѣяныхъ лѣсахъ! Люди вырубили всѣ хорошіе лѣса, а вмѣсто нихъ понасажали рядами сосенки, — вотъ и живи какъ хочешь. Такъ-то скоро придется въ городскіе сады переселиться, — лѣшій горько усмѣхнулся. — А всего хуже, — зачѣмъ они трогаютъ моихъ звѣрюшекъ. Ходятъ по лѣсамъ да стрѣляютъ; медвѣдей совсѣмъ ужъ не осталось, волковъ мало; только вотъ зайчики да птички разныя и уцѣлѣли отъ этихъ разбойниковъ. Тоже, вотъ, вчера — развѣ не обидно? — пошелъ я вечеромъ прогуляться, звѣрюшекъ моихъ навѣстить, — вдругъ смотрю: на полянѣ палатки разбиты, и вокругъ костра мальчишки сидятъ. И слышу я такой разговоръ: «Кто-же теперь лѣшихъ боится? Развѣ они существуютъ? — Это все выдумали бабы...» Какъ услышалъ я эти слова, — горько мнѣ стало. Какъ это, думаю, выдумки? И рѣшилъ я показать имъ себя. Да вспомнилъ про водяного и пошелъ къ тѣбѣ совѣта спросить.

Нѣкоторое время оба молчали. По рѣкѣ издали доносились звуки хоровой пѣсни. Наконецъ водяной сказалъ:

— Начнемъ вотъ съ чего: тѣ мальчишки, что такъ орутъ, завтра пойдутъ купаться. Какъ они войдутъ въ воду, — такъ я ихъ и возьму въ обработку. А ты, лѣшій, постарайся устроить такъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ заблудился въ лѣсу.

— Это дѣло! — весело проворчалъ лѣшій, и на этомъ они разстались.

2.

На слѣдующее утро водяной засѣлъ въ омутѣ, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ обычно купались мальчики. Но, такъ какъ онъ всю ночь безъ усталости проработалъ надъ порчей рыбацкихъ сѣтей, то не могъ побороть одолевшаго его сна. Проснулся онъ лишь къ вечеру и, утрюмый и раздосадованный, поплылъ къ старому пню.

Въ то же самое утро, какъ только солнце позолотило края облаковъ, лѣшій сладко зѣвнулъ и, выпрыгнувъ изъ дупла стараго дуба, остановился. Онъ никакъ не могъ припомнить, что ему надо было сегодня сдѣлать.

— Ахъ да! мальчишкамъ напакостить, — вспомнилъ онъ и, вскочивъ на соседнюю ель, принялся поглощать свѣжіе смолистыя шишки. Насытившись, онъ неспѣша слѣзъ съ дерева и мелкой рысцой побѣжалъ по глухой лѣсной тропинкѣ.

Лѣсъ былъ полонъ жизни. Птицы щебетали на всѣ лады, а въ травѣ бѣгали маленькіе шарики съ бисерными глазками. Вотъ изъ-подъ ногъ лѣшаго выскочилъ заяцъ и медленно поскакалъ на трехъ ногахъ, — четвертая оставляла кровавый слѣдъ и безсильно висѣла въ воздухѣ.

— Заяцъ, кто это тебя? — хотѣлъ было окликнуть лѣшій, но въ это время до его чуткаго носа донесся человѣческій запахъ. Быстро свернувшись въ клубокъ, лѣсовикъ кубаремъ скатился въ ближній оврагъ и тамъ притаился.

Изъ-за деревьевъ показалась небольшая фигурка. Это былъ мальчикъ лѣтъ десяти. Весело насвистывая, онъ шелъ по тропинкѣ.

«Вотъ, кто ранилъ бѣднаго зайца», рѣшилъ лѣшій, и его глаза загорѣлись непріязнью. «Подожди ты, я тебя за-

веду въ глушь...» проворчалъ онъ, слѣдя взоромъ за мальчикомъ.

Тѣмъ временемъ мальчикъ увидѣлъ хромающаго звѣрка. Сначала онъ остановился, а потомъ быстро подбѣжалъ къ зайцу. Тотъ замеръ въ испугъ и посмотрѣлъ назадъ. Мальчикъ наклонился надъ раненымъ животнымъ и повторилъ восклицаніе лѣшаго:

— Бѣдный зайка! Кто это тебя?...

Заяцъ не шевелился, должно быть ослабѣвъ отъ потери крови. Тогда мальчикъ быстро вынулъ изъ кармана узкую бѣлую ленту матеріи и сдѣлалъ зайцу тщательную перевязку, приговаривая при этомъ:

— Не бойся, зайка, не бойся... я тебя не обижу... Волчата никогда не причиняютъ животнымъ зла... Сиди смирно, зайнышка...

По окончаніи перевязки, заяцъ посидѣлъ еще немного и вдругъ сдѣлалъ скачокъ въ сторону, потомъ — другой, и совсѣмъ скрылся изъ вида. Мальчикъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, послалъ вдогонку «счастливаго пути» и исчезъ въ другой сторонѣ.

Лѣшій вылѣзъ изъ своей засады. На его лицѣ отражалось недоумѣніе.

— Такъ, значить, это не онъ зайца подшибъ... Что за странный мальчикъ... И называетъ себя волчонкомъ... Хотъ и человѣкъ, а какъ будто бы и любить звѣрюшекъ, — и, покачавъ головой, лѣшій побѣждалъ дальше.

Вотъ предъ нимъ и та поляна, на которой онъ прошлый разъ видѣлъ палатки и слышалъ возмущившій его разговоръ. Спрятавшись за дерево, лѣшій сталъ наблюдать. Теперь онъ замѣтилъ, что всѣ мальчики въ лагерѣ были одѣты такъ же, какъ и только что видѣнный имъ въ лѣсу.

Желаніе причинить имъ непріятность почему-то у него пропало. Досадуя

самъ на себя, онъ повернулся и тихо побрелъ къ своему дуплу.

3.

Весь остальной день лѣшій былъ въ безпокойномъ настроеніи. То, какъ угорѣлый, онъ носился съ дерева на дерево, то вдругъ спускался внизъ и, обхвативъ колѣни руками, начиналъ медленно раскачиваться. При этомъ его глаза сверкали, какъ уголья, а лицо выражало сильное душевное волненіе.

Дѣло въ томъ, что, послѣ случая съ зайцемъ, онъ встрѣтилъ снова одного мальчика въ такой же одеждѣ и увидѣлъ, какъ тотъ, нѣжно поднявъ выпавшихъ изъ гнѣзда птенцовъ, положилъ ихъ туда обратно.

Лѣшій больше всего на свѣтѣ любилъ своихъ звѣрей и птичекъ. Поэтому поступокъ мальчика растрогалъ его почти до слезъ.

Насталъ вечеръ.

Снова сошлись у стараго пня водяной съ лѣшимъ.

— Ну, ты что-нибудь сдѣлалъ? — спросилъ водяной сурово.

— Нѣтъ...

— И я нѣтъ: у меня не было времени, то-есть, вѣрнѣе, я проспалъ. А вотъ почему ты ничего не сдѣлалъ — это меня удивляетъ.

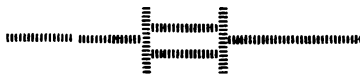
— Потому что... — началъ лѣшій и остановился: издали донеслись звуки хоровой пѣсни.

Лѣшій задумался, и на его безобразномъ лицѣ вдругъ появилась ласковая улыбка.

— Ты не поймешь почему, — сказалъ онъ тихо и, повернувшись, пошелъ въ лѣсъ.

А водяной сердито выбранился и, сверкнувъ зелеными глазками, скрылся въ темной пучинѣ рѣки.

В. Приселковъ.

ЖИЗНЬ ШКОЛЪ.

Гимназія Л. И. Тайловой въ Ригѣ.

На снимкахъ изображены различные моменты изъ жизни гимназіи: уроки въ классахъ, гимнастика и выставка рукодѣлій.

ИЗЪ КНИГИ ПРИРОДЫ.

Исполинскій крабъ.

Не только самый крупный, но и самый оригинальный по внѣшности крабъ водится въ тихихъ заливахъ у береговъ Японіи. Научное названіе его *Megachela Kamoharui* (долгоручка Кампфера). Обыкновенно же зовутъ его исполинскимъ японскимъ крабомъ.

Длина этого краба достигаетъ двухъ метровъ; размахъ конечностей — отъ трехъ до пяти метровъ.

На первый взглядъ исполинскіе крабы, вооруженные страшными клешнями, производятъ впечатлѣніе свирѣпыхъ чудовищъ, способныхъ нападать на крупныхъ животныхъ и даже на людей. На самомъ же дѣлѣ это довольно безобидныя и безпомощныя животныя. Обитаютъ они въ стоячей водѣ, и малѣйшее волненіе лишаетъ ихъ возможности передвигаться; вытащенный изъ воды исполинскій крабъ, совершенно не въ состояніи справиться съ тяжестью своего тѣла.

Японскіе рыбаки ловятъ ихъ на обыкновенный переметъ. Естествениспытатель Дофлендъ рассказываетъ слѣдующее о пойманномъ такимъ способомъ крабѣ:

«Мы привязали исполинское животное къ длинной бичовкѣ, продѣтой сквозь кольцо у лодки, и пустили его гулять по дну моря. Онъ медленно прогуливался тамъ, какъ привидѣніе, какъ таинственный, не отъ міра сего стражъ. приставленный къ лодкѣ; длинныя ноги его, точно раздѣланныя подъ ярко-красный мраморъ, рѣзко просвѣчивали сквозь зеленоватыя воды лимана. Но стоило вѣтру поднять волну, какъ нашъ плѣнникъ не могъ держаться на ногахъ и качался изъ стороны въ сторону, какъ расслабленный. Такая неустойчивость, несомнѣнно, лишаетъ макрохейра возможности бороться съ врагами, — спрутами и крупными рыбами, — нападающими на него.»

Пищей исполинскому крабу служатъ мелкіе обитатели моря; на крупныхъ онъ почти никогда не нападаетъ, такъ какъ чувствуетъ свою безпомощность въ борьбѣ съ ними.

Г.

Прирученный хищникъ.

Интересный случай прирученія свободлюбиваго пернатого хищника изъ породы орловъ можно видѣть въ усадьбѣ г. Раджевича, расположенной въ глухой мѣстности обширныхъ лѣсныхъ насажденій, близъ ст. Тауеркальнъ въ Латвіи. По разсказу лицъ, пріѣзжающихъ оттуда, дѣти усадьбовладельца взяли живого птенца изъ гнѣзда и вырастили его въ домашней обстановкѣ. Птенецъ, воспитанный въ непосредственной близости къ человѣку, совсѣмъ почти натурализовался въ домашнюю птицу, живетъ въ полномъ согласіи съ домашними животными, вмѣстѣ съ ними принимаетъ кормъ изъ рукъ человѣка, при открытыхъ дверяхъ дома самъ идетъ въ жилое помѣщеніе и криками проситъ выпустить его наружу, если двери закрыты. Летая свободно вокругъ усадьбы, или сидя гдѣ-либо на деревѣ, отзывается крикомъ на призывной свистъ мальчика, воспитавшаго его, и прилетаетъ къ

нему. По словам видѣвшихъ птицу, ноги ея оперены сплошь до самыхъ пальцевъ. Этотъ признакъ указываетъ на

принадлежность птицы къ орламъ, свойственнымъ нашей фаунѣ.

В. И. М.

ОБО ВСЕМЪ ПОНЕМНОГУ.

Изъ жизни великихъ людей.

Молодые писатели какъ-то въ бесѣдѣ со Львомъ Толстымъ отозвались о редакторѣ одного изъ журналовъ, что онъ не обладаетъ никакимъ литературнымъ чутьемъ и крайне несправедливъ и рѣзокъ въ оцѣнкѣ произведеній.

— Не можетъ быть, — возразилъ Толстой. — Правда, мнѣ не приходилось имѣть съ нимъ дѣла, но я не могу представить такимъ редактора.

Рѣшивъ проверить слухъ, Толстой отнесъ въ эту редакцію одинъ изъ своихъ рассказовъ, подписавъ его «Николаевъ».

— Зайдите черезъ недѣлю, — величественно сказалъ ему редакторъ, никогда не выдававшій Л. Н. Толстого.

Черезъ недѣлю писатель, пользовавшійся уже громадной извѣстностью, какъ авторъ «Войны и мира» и «Анны Карениной», пришелъ за отвѣтомъ.

— Вашъ рассказъ не будетъ напечатанъ, — заявилъ ему редакторъ.

— Почему?

— Мы не даемъ объясненій.

— Но я бы хотѣлъ знать ваше мнѣніе о моемъ произведеніи.

— Ахъ, такъ. Прекрасно. Во-первыхъ, долженъ вамъ сказать, что вы совершенно безграмотны.

— Такъ. А во-вторыхъ, — улыбнулся Толстой.

— Во-вторыхъ? — вспыхнулъ редакторъ, — во-вторыхъ, все написанное вами бездарно съ начала и до конца. Ни проблеска таланта! Вы, вѣроятно, никогда не писали раньше?

— Нѣтъ, я кое-что печаталъ и имѣю нѣкоторую извѣстность.

— Извѣстность? Гм... Николаевъ? Что-то не слыхалъ.

— «Николаевъ» мой псевдонимъ, а я пишу больше подъ другимъ именемъ.

— А что же вы написали? — иронически осведомился редакторъ.

— Да такъ... пустяки разные: «Войну

и миръ» написалъ, «Анну Каренину» и еще кое-что. Моя фамилія — Толстой; можетъ быть не слыхали?

Нужно было видѣть, что случилось послѣ этого съ самодовольнымъ редакторомъ. Когда Л. Н. Толстой покинулъ его, онъ былъ почти въ состояніи столбняка.

Снимки растений.

Барто указалъ очень простой способъ получать снимки частей растенія, листьевъ и т. д. на обыкновенной бумагѣ. Листъ бумаги напитываютъ деревяннымъ масломъ, складываютъ его и подвергаютъ сильному давленію для того, чтобы масло проникло въ самыя поры бумаги. Листъ растенія, съ котораго желаютъ получить снимокъ, кладутъ въ такую бумагу и подвергаютъ умѣренному сжатію. Затѣмъ листъ растенія кладутъ въ другой, совершенно чистый и несмоченный въ маслѣ листъ бумаги и снова сдавливаютъ его. На этой послѣдней бумагѣ отпечатывается тогда нѣжное строеніе листа въ видѣ едва замѣтнаго маслянистаго рисунка, который становится совершенно отчетливо виднымъ, если его посыпать тонкимъ порошкомъ графита. Если же посыпать рисунокъ смѣсью изъ графита и порошка колофонія и затѣмъ слегка подогрѣть рисунокъ въ духовой печи, можно сдѣлать его совершенно неразрушимымъ. Если желаютъ получить оттискъ чернаго цвѣта, то листъ растенія помѣщаютъ между двухъ листовъ бумаги, смазанныхъ типографской краской. Послѣ нѣкотораго надавливанія листъ растенія вынимаютъ и кладутъ въ бѣлую бумагу, на которой возвышенія листа, смазанные краской, даютъ послѣ надавливанія на бумагѣ отпечатокъ, выражающій строеніе листа. Поступая такимъ образомъ, можно приготовить себѣ коллекцію всѣхъ формъ, какія только листъ имѣетъ.

Есть еще и другой способ, дающий возможность посредством двух химических веществ получить рисунок мѣдно-краснаго цвѣта: хорошую бумагу, употребляемую обыкновенно при рисованіи, смазываютъ равномерно слабымъ растворомъ синей окиси мѣди въ водѣ. Когда бумага совершенно просохла, смазываютъ слегка одну сторону листа водой и кладутъ на пачку газетныхъ листовъ. По растеніямъ проводятъ слегка и равномерно кисточкой, смоченной въ растворѣ желѣзисто-синеродистаго калия въ равной вѣсовой части воды, при чемъ нужно стараться не увлажнять ихъ чрезмѣрно; затѣмъ растенія кладутъ осторожно на бумагу, смазанную растворомъ мѣдной соли, и, покрывъ ихъ листомъ бумаги, надавливаютъ суконкой до тѣхъ поръ, пока всѣ части растенія не будутъ вплотную прилегать къ бумагѣ. Тогда изображеніе готово.

Сложный языкъ.

Языкъ нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ Южной Америки чрезвычайно сложенъ, и изученіе его представляетъ большія затрудненія. Главное неудобство этихъ языковъ состоитъ въ томъ, что для обозначенія самаго простого для насъ понятія приходится прибѣгать къ очень длиннымъ, описательнымъ словамъ, заключающимъ въ себѣ цѣлую фразу. Такъ, на языкѣ племени Ленгуа слово «восемнадцать» передается такъ: «сохогъ-эмежъ-вактла-мокъ-миникъ-атантла-ма», что въ буквальномъ переводѣ означаетъ «возьми обѣ руки, одну ногу и прибавь три». Остается только радоваться, что намъ не приходится говорить на подобномъ языкѣ!

Попробуй ходить прямо.

«Ничего не можетъ быть легче этого», подумаетъ каждый изъ нашихъ читателей.

Однако это совсѣмъ ужъ не такъ просто, какъ кажется.

Зимой легче всего произвести этотъ опытъ, выбравъ для него ровную площадку, запорошенную снѣгомъ, гдѣ слѣды ногъ будутъ особенно ясно видны.

Поставьте себѣ задачей пройти 100 метровъ по прямой линіи, считая при этомъ шаги, и когда дойдете въ счетѣ до 101, то разстояніе это будетъ вами достигнуто.

Затѣмъ обернитесь, и вы будете пора-

Король ковбоевъ.

Снимокъ изображаетъ знаменитаго американскаго ковбоя Пигана на его чудесномъ скакунѣ «Удини». Пигану неоднократно дѣлались выгодныя предложенія выступать въ циркѣ и въ фильмахъ, но онъ пока вполне доволенъ своимъ положеніемъ ковбоя.

жены кривизной линіи вашихъ слѣдовъ. Заставьте кого-либо изъ вашихъ друзей пройти то же самое разстояніе, предварительно избравъ своей цѣлью какую-нибудь трубу, колокольную или телеграфный столбъ и держась все время этого направленія.

Совсѣмъ ровнымъ его слѣдъ не окажется, но все же линія слѣдовъ будетъ значительно ровнѣе.

Но особенно трудно пройти по прямой линіи съ завязанными глазами.

Неувѣренность въ данномъ случаѣ настолько велика, что человѣкъ не только описываетъ кривыя линіи, но даже иной разъ приходитъ къ тому же самому мѣсту, откуда вышелъ, пройдя кругъ, о чемъ самъ и не подозреваетъ.

Маленькая энциклопедія.

— Гавайскій языкъ имѣетъ 12. а тагарскій 202 буквы.

*

— Нѣкоторые тибетцы до такой степени боятся воды, что во всю жизнь ни разу не умываются. То же и готтентоты.

*

— Человѣческій мозгъ заключаетъ въ себѣ почти пятнадцать милліоновъ нервовъ.

*

— Большинство пауковъ ткуть каждую ночь по новой паутинѣ.

*

— Хвойныя деревья приносятъ сѣмена разъ въ 3 или 4 года.

*

— Корова или молочное дерево въ Гватемалѣ, изъ ствола котораго течетъ жидкость, сходная съ молокомъ, донся регулярно нѣсколько разъ въ день.

Лопарка съ младенцемъ.

Лопари—кочевники крайняго Сѣвера Европы. На снимкѣ изображена лопарка - мать съ оригинальной колыбелью, въ которой малютки - лопарки совершаютъ длинные переходы по тундрамъ.

УГОЛОКЪ СПОРТА.

Теннисный турниръ Р. Т. К. — Л. С. О.

Состязанія протекали одновременно на площадкахъ обоихъ клубовъ. Въ турниръ принимали участіе съ каждой стороны 6 мужчинъ и 4 дамы.

Турниръ разыгрывался на переходящій почетный призъ предсѣдателя Рижскаго теннисъ-клуба д-ра Зедыня. Публики было много, и состязанія прошли оживленно.

Побѣдителемъ изъ состязанія съ 14-ю противъ 4 пунктовъ вышелъ Р. Т. К.

Въ Л. С. О.

Лѣтній сезонъ кончился. На площадкѣ об-ва затишье. Члены усиленно готовятъ къ зимнему спорту, который въ Л. С. О. стоитъ на большой высотѣ. Латвійское спорт. об-во — одно изъ старѣйшихъ въ Латвіи и насчитываетъ въ своихъ рядахъ много первоклас-

сныхъ конькобѣжцевъ и лыжниковъ. Въ хорошемъ состояніи также находятся его хоккейная и боскетбольная команды.

Боскетболисты уже приступили къ тренировкѣ.

Въ этомъ году въ Л. С. О. проектируется устройство specialнаго катка для конькобѣжцевъ-фигуристовъ.

Метаніе диска.

Здѣсь отличился рижанинъ Музисъ, который сдѣлалъ бросокъ 38,17 м.

Финальный бѣгъ на 200 метр. далъ побѣду латвійцамъ — Ойя и Гедвило.

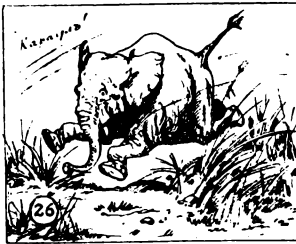
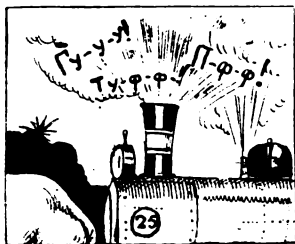
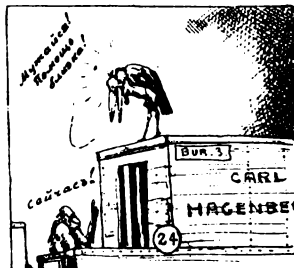
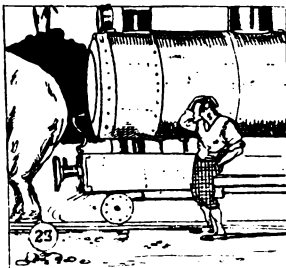
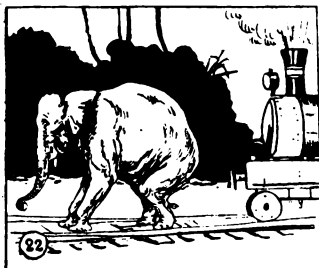
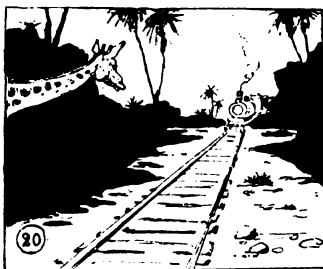
Въ бѣгѣ на 5000 метр. первымъ пришелъ финнъ Туоманъ, а рижанинъ Эрдемъ вышелъ на третье мѣсто.

Въ общемъ итогѣ состязаній на первомъ мѣстѣ оказалась Финляндія (275 пунктовъ), на второмъ Латвія (92 пункта), на третьемъ Эстонія (65 пунктовъ) и на четвертомъ Литва.

Ю М О Р Ъ.

Война в джунглях.

III.

19. Звѣри, однако, рѣшили не оставлять бегемота Юппо на произволъ судьбы. Они снарядили маленькій отрядъ, который долженъ былъ перехватить поѣздъ и освободить несчастнаго плѣнника.

20. Друзья поспѣли во-время: поѣздъ только что показался въ отдаленіи. Жираффа вызвалась исполнить роль семафора и дала сигналъ поѣзду, чтобы онъ остановился.

21. Машинистъ замѣтилъ сигналъ, а одновременно съ этимъ увидѣлъ преградившихъ рельсовый путь звѣрей. Онъ вынужденъ былъ замедлить ходъ поѣзда.

22. Гигантъ-слонъ Юмбо славился своей силой. Онъ не сомнѣвался, что оста-

новить поѣздъ, и поэтому сталъ какъ вкопанный прямо между рельсовъ.

23. Машинистъ соскочилъ съ паровоза. Онъ не могъ рѣшиться таранить слона и ломалъ себѣ голову, какъ бы очистить путь поѣзду.

24. Звѣри уже торжествовали побѣду. Мунко и Марабу поспѣшили успокоить плѣннаго Юппо и посулить ему скорое освобожденіе.

25. Наконецъ машинистъ потерялъ терпѣніе. Онъ вскочилъ на паровозъ и далъ полный паръ. 16 атмосферъ оказалось для слона мало, но 66 атмосферъ и оглушительный свистокъ въ придачу — сдѣлали свое дѣло.

26. Не помня себя отъ страха, великанъ Юмбо пустился на утекъ. Дѣла бѣднаго бегемота опять приняли сквер-

ный оборотъ. Теперь уже, казалось, ничто не могло спасти его.

27. Но все-таки не всё покинули его

въ бѣдѣ. Шимпанзе Мунко укатилъ вмѣстѣ съ нимъ на поѣздѣ, взгромоздившись на крышѣ клѣтки.

(Окончаніе слѣдуетъ).

КОНКУРСЪ ЗАДАЧЪ.

Рѣшеніе задачи № 36.

Правильно рѣшили магическій квадратъ кромѣ читателей, фамиліи коихъ были напечатаны въ № 22 журнала:

И. Дорофеевъ, Б. Истомино, Л. Кесель, С. Марковичъ, И. Мацаревъ, Н. Михайлова, Куартъ Адамовичъ, Алексѣй Азелицкій, Тихонъ Бѣлый, Валентина Иванова, Викторъ Квасковъ, Т. Лябисъ,

Владиміръ Никольскій, Антонина Портнова, Александръ Ринкъ, Иванъ Рошенокъ, Димитрій Солсзевъ, Левъ Стародубскій, Константинъ Филатовъ, Георгій Шершунювъ, В. Шукаевъ.

Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что послѣдній срокъ присылки рѣшеній задачъ № 37 и 38 — 7 декабря.

Издатель: А.О. Печ. Дѣла „Саламандра“.

Редакторъ: Л. Кормчій.

Отв. редакторъ: Е. Н. Андрусова.

Изящныя крышки для переплета первыхъ двухъ томовъ журнала

„ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ“

Т. I (№№ 1—6), Т. II (№№ 7—12)

а также и для бесплатнаго приложенія „ДНЕВНИКЪ ПРОКАЗНИКА“
можно выписывать (или приобретать) изъ конторы журнала:

Riga, Valdemara ielā 63.

Цѣна каждой крышки одинъ латъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Сборники журн. „Юный Читатель“

въ изящныхъ полуколенкоровыхъ переплетахъ съ золот. тисненіемъ

„Юный Читатель“ сборн. I, ц. Ls 4.—

„ „ „ II, „ „ 4.—

„Дневникъ проказника“

романъ изъ жизни америк. мальчика съ иллюстр. худ. Г. Дайбера

въ переплетѣ, цѣна Ls. 2.50

безъ переплета, „ „ 2.—

Выписывающіе изъ конторы журнала: Rīgā, Valdemara ielā 63

за пересылку не платятъ.

Изданія Акц. Об-ва Печатнаго Дѣла „Саламандра“, Бл. Кузнечная 43.

„Перезвоны“

Литературно - худож. иллюстр.
журналъ.

Цѣна № — 1 лать.

„Юный читатель“

Журналъ для семьи и юно-
шества.

Цѣна № — 60 сантимовъ.

„Новая Недѣля“

иллюстрирован. еженедѣльникъ

Цѣна № — 30 сантимовъ.

Дешевая библіотека.

(Капитанская дочка, Тарасъ
Бульба, 2 выпуска Вечеровъ на
хуторѣ близъ Диканьки и т.д.)
Выпускъ — 60 сантимовъ

„Родина“

Сборникъ ко дню Русской
Культуры.

(4 цвѣтныхъ илл. и 60 одноцвѣтныхъ).
Цѣна — 1 лать.

„Слово“

дневная, а по праздникамъ
утренняя газета.
№ — 10 сантимовъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО Д. ЦЫМЛОВЪ

Латвія, Рига Ул. Свободы № 7

Поч. ящ. № 218.

Тел. 80-32.

Въ моемъ изданіи вышли изъ печати и поступили
въ продажу слѣдующіе учебники для русскихъ
основныхъ школъ:

- 1) Разрѣзная азбука. Классное пособие при обученіи грамотѣ. Русскій алфавитъ и цифры, наклеенныя на картонѣ и упакованныя въ коробки. То-же латинскій алфавитъ.
- 2) Азбука. Русская азбука и цифры наклеенныя на кубикахъ, съ иллюстраціями въ четыре краски. То-же латинскій алфавитъ.
- 3) Флеровъ. „Красное солнышко“. Наглядный русскій букварь. Азбука по В. Флерову и матеріалъ для чтенія по Л. Н. Толстому. Со многими рисунками.
- 4) Флеровъ. „Ясное утро“ ч. 1. Первая книга для чтенія послѣ букваря. Со многими рисунками.
- 5) Флеровъ. „Ясное утро“ ч. 2. Вторая книга для чтенія послѣ букваря. Со многими рисунками.
- 6) Флеровъ. „Ясное утро“ ч. 3. Третья книга для чтенія послѣ букваря. Съ 20 портретами русскихъ писателей и ихъ біографіями.
- 7) Флеровъ. „Замѣтки для 1—2 год. обученія. Со многими рисунками.
- 8) Флеровъ. „Грамматика для 3—4 год. обученія. Со многими рисунками.
- 9) Трояновскій. „Природа и ея явленія“ ч. 1. Неорганическій міръ. Растенія.
- 10) Трояновскій. „Природа и ея явленія“, ч. 2. Человѣкъ и животныя. Свѣдѣнія изъ физики.
- 11) Чельцовъ. Законъ Божій.
- 12) Ананьинъ. Всеобщая исторія. Курсъ основныхъ школъ. Со многими рисунками.
- 13) Ананьинъ. Русская исторія. Курсъ основныхъ школъ.
- 14) Ланге. Разказы изъ исторіи Латвіи. 2-е изданіе исправленное и дополненное. Со многими рисунками.

Готовятся къ печати:

- 15) Флеровъ. Подробный планъ занятій по обученію грамотѣ съ указаніемъ приѣмовъ обученія.
- 16) Флеровъ. Наши первыя сочиненія. Сборникъ упражненій въ изложеніи мыслей для основныхъ школъ.

При издательствѣ имѣются пособія:

Стѣнные таблицы для класснаго преподаванія природовѣдѣнія:
БОТАНИКА: 1) Папоротникъ, 2) Хвощъ, 3) Кукушкинъ ленъ,
4) Грибы, 5) Спорынья. ЗООЛОГІЯ: 1) Тараканъ, 2) Муха,
3) Майскій жукъ, 4) Бабочка, 5) Паукъ. Картины времени года:
Весна, Лѣто, Осень и Зима, а также географическія карты
всѣхъ частей свѣта

Цѣна 60 сант. (30 латв. руб.) Заграницей: 15 амер. центовъ, въ Америкѣ,
Азіи, Африкѣ, и Австраліи — 20 амер. центовъ.